

М.Я. Лемешев, А.А. Максимов, Б.С. Маслов

УДК 556
ББК 28.082

Лемешев М.Я., Максимов А.А., Маслов Б.С. Мировой опыт пока ничему не учит (О разрухе в водохозяйственном комплексе России). – М., 2011. – 110 с., 5 табл.

Рассмотрены, на основе анализа мирового опыта (США, Китая, стран-членов Евросоюза, Латинской Америки, Африки, материалов международных организаций, прежде всего, системы ООН), ключевые проблемы водохозяйственного комплекса современной России, коренящиеся в разрушительной приватизации и либерализации в водном хозяйстве, особенно в сфере водоснабжения и водоотведения. Они также коренятся в ущербном характере Водной стратегии РФ до 2020 г., нацеленной фактически не на обслуживание общегосударственных нужд и потребностей России, а на производство экспортно-ориентированной водоёмкой продукции в сырьевом секторе, включая топливно-энергетический комплекс, и в сельском хозяйстве. Показана неприемлемость для страны принятого Водного кодекса, ликвидирующего ключевые Права человека на воду, подрывающего суверенитет страны на водные ресурсы, создающего правовую базу для широкой экспансии транснациональных корпораций в водном хозяйстве России. В заключении сформулированы основные пути вывода водохозяйственного комплекса страны из разрухи, прежде всего, отказ от идеологии приватизации и либерализации в водном хозяйстве, акцент на повышение водной продуктивности и эффективности водопользования как основы для надёжного обеспечения услугами водного сектора населения, экономики и природоохранной деятельности.

ISBN

Мировой опыт пока ничему не учит (О разрухе в водохозяйственном комплексе России)

**Москва
2011 г.**

© Коллектив авторов: Лемешев М.Я.,
Максимов А.А., Маслов Б.С.

ВВЕДЕНИЕ

В своём распоряжении об организации в Москве в 2010 году Международного форума «Чистая вода», правительство РФ ни словом не упоминает широко рекламируемую партией «Единая Россия» Федерально-целевую программу «Чистая вода». Такой сигнал со стороны правительства РФ можно было бы только приветствовать, поскольку хорошо известно, что проект этой программы подвергся обоснованной, уничтожающей критике со стороны научного и делового сообщества страны, прежде всего, из-за её акцента на реализацию (за счёт средств государства) сомнительных технических решений.

Однако оказалось, что правительство вовсе не дистанцировалось от неприемлемых для здоровья людей, неэффективных и очень затратных технических решений в водном хозяйстве, продвигаемых влиятельными людьми через эту программу. Подтверждением тому является распространённый Минэкономразвития РФ проект «Государственной программы «Чистая вода» на период 2009–2017 гг., где в качестве «социально значимых мероприятий по повышению качества воды в объектах социальной инфраструктуры» вновь навязываются системы водоочистки («доочистки воды»), несостоятельность которых убедительно доказана Российской Академией Наук.

В складывающейся ситуации можно надеяться, что авторитетное мнение РАН позволит не допустить торжества шарлатанства, некомпетентности и разбазаривания огромных средств в жизненно важной сфере питьевого водоснабжения России.

Вызывает глубокое беспокойство другое. Высокопоставленные организаторы Форума умалчивают или искажают другие острые проблемы водного хозяйства России. Их, как и проблемы питьевой воды, также следует рассматривать в качестве приоритетных на подобных «громких» мероприятиях. Чего только стоят проблемы, выявленные в результате катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС! Или проблемы орошаемого земледелия России, обнажившиеся в результате засухи 2010 года!

Указанные острые проблемы возникли из-за того, что российский водохозяйственный комплекс глубоко болен. Последние 20

лет – это не годы поступательного развития водной отрасли, а годы её разрушения, отсутствия в ней направленности на созидание, полной беспомощности, бесперспективности и ущербности мер в этой области.

Оторванными от жизни и неуместными являются некоторые ключевые заявления высокопоставленных организаторов Международного форума «Чистая вода», такие как: «Форум призван... информировать мировое сообщество о зрелой позиции России в вопросах охраны и бережного использования воды», «...продемонстрировать предпосылки к превращению России в лидера мировой водной сферы».

Противоречит существующим реалиям такая трактовка положения и проблем водного хозяйства России, и постановка задач по их решению. Не может быть «зрелой» позиция и политика руководства России, когда не является национальным приоритетом развитие уникального водохозяйственного комплекса страны для обеспечения потребностей населения, экономики и природоохранной деятельности. Более того, эта политика заводит отрасль в стратегический тупик, ориентируя на ложные цели и задачи, не отвечающие интересам нашей страны, отвергаемые в практике других стран.

Не может быть «зрелой» политика руководства страны, которое под диктовку Евросоюза «продавливает» принятие губительного Водного кодекса РФ, закрепляющего ключевую роль частного и транснациональных корпораций в водном хозяйстве страны. Возможно, не все знают, что проект ущербного для страны Водного кодекса РФ (2006 г.) был разработан бельгийской фирмой Milieu Ltd, при методическом руководстве и финансовом обеспечении со стороны Евросоюза. Эти работы выполнялись «под крышей» Администрации президента РФ [1].

В результате принятия Водного кодекса, России навязаны противоречивые, противоречащие мировому опыту, не отвечающие нуждам страны пути функционирования водного хозяйства. Ниже рассмотрены некоторые вопросы его функционирования.

Глава 1. Мировой опыт «вопиёт» о недопустимости приватизации воды

Во всех ключевых стратегических документах последних лет, относящихся к водному комплексу России, вопреки здравому смыслу, мировому опыту, но, следуя идеологическим установкам так называемого «Вашингтонского консенсуса» (приватизация, либерализация, уменьшение роли государства), жёстко закреплены требования приватизации деятельности в водном хозяйстве страны. Важнейшими среди таких документов являются Концепция социально-экономического развития страны на период до 2020 года, Водный кодекс РФ, Водная стратегия РФ до 2020 г.

1.1. Крах приватизационного процесса в водном секторе за рубежом

а) Проблемы приватизации в экономически развитых странах

Стремление любой ценой и как можно быстрее приватизировать и перевести на основу частной выгоды деятельность в водном секторе России пытаются обосновать «заботой» об улучшении положения в этом секторе, ссылаясь при этом на «передовой» опыт экономически развитых стран, в частности, США, Англии, Франции. Следует подчеркнуть, что *такие заявления являются или сознательной ложью, продиктованной корыстными устремлениями, или следствием невежества, незнания реального положения дел с приватизацией воды за рубежом.* Вот только некоторые факты:

По данным разных источников, например, Научного центра ООН по Социальному Развитию [2], *в 2006 г. 90% населения в мире пользовались государственными услугами в секторе водоснабжения и водоотведения.*

Трепетное отношение к «своим» водным ресурсам демонстрирует Евросоюз. В первом, главном пункте Рамочной Водной Директивы ЕС заявлено: *«Вода является наследием Европы и*

несовместимым с рынком, важным для жизни основным продуктом. С ним обязаны бережно обращаться, сохранять и защищать от любого посягательства».

Услуги в водном секторе стран Евросоюза на 80% [3] обеспечиваются государством. При этом вопросы приватизации воды для стран ЕС не являются главными. Их больше беспокоят вопросы обеспечения водой высокого качества, платежей за водные услуги, качества водных услуг, засилье нескольких транснациональных корпораций (ТНК) на европейском водном рынке.

В США со времени окончания Второй Мировой Войны 86% всех услуг водоснабжения и водоотведения приходится на государственный сектор [4]. Как следует из опубликованных результатов фундаментального исследования «Приватизация водных услуг в США: оценка проблем и опыта» (Академия Наук США, 2002г.), указанное соотношение государственного и частного сектора в стране сохранится и в будущем.

Что касается Англии и Франции, несомненно, в этих странах достигнут высокий уровень развития водного сектора. Особенно это относится к обеспечению качества водных услуг и реализации природоохранной политики, связанной с управлением водными ресурсами. В Англии и Франции в XX веке создан значительный национальный потенциал в области водного хозяйства, включая организацию мощной инженерной водохозяйственной инфраструктуры, развитие всесторонней целостной законодательной базы и организационно-управленческой структуры. В странах обеспечен высокий уровень использования научно-технических достижений и информационных технологий в водном хозяйстве, а также достигнут высокий уровень участия потребителей в решении водохозяйственных и связанных с ними природоохранных проблем. Обе страны беспрецедентно активно используют свои преимущества в процессах глобализации в интересах собственного водного сектора.

Вместе с тем, невозможно не учитывать следующие важные обстоятельства, негативно характеризующие частный водохозяйственный сектор Британии и Франции:

1). Не все так благополучно и успешно обстоит в водном секторе этих стран. Например, в Англии и Уэльсе в 1990^х годах свыше 30% воды, направляемой потребителям, терялось на протечки из водопроводной сети. Положение не улучшилось и в настоящее время [5]. Это связано с чрезвычайным старением водохозяйственной инфраструктуры в Британии. Её обновление требует капиталовложений в объеме 228 млрд. фунтов [6], которые частный сектор не смог обеспечить за 20 лет обладания этой сферой.

2). Около 20% из 54 млн. водопотребителей в Англии и Уэльсе не в состоянии оплачивать счета за водоснабжение и канализацию, в то время как чистая прибыль частных компаний по оперативным расходам превышает 30% [7].

3). Особенностью частного водного сектора Франции является то, что 85% рынка услуг в этом секторе страны контролируются двумя гигантскими ТНК: Suez и Veolia [3]. Более того, они доминируют на мировом рынке услуг в водном секторе, сосредоточив у себя около 70% частных водных контрактов по всему миру [2]. Их ежегодный доход составляет 58 300 млн. долларов (Suez) и 35 410 млн. долларов (Veolia) [8]. Доход этих двух компаний составляет почти четверть мирового рынка услуг в водном секторе. Вышесказанное в полной мере относится и к английским водным компаниям. По данным ЮНКТАД, семь из 10 основных водохозяйственных компаний Британии входят в число 50 крупнейших западных ТНК, на долю которых приходится 85% мирового рынка экологических товаров и услуг [9].

Вышеуказанные обстоятельства уникальны. Поэтому **нет никаких оснований безоговорочно ссылаться на опыт Британии и Франции и считать его приемлемым для использования в других странах.** Наоборот, необходим компетентный, многосторонний и, самое главное, честный анализ опыта управления водными ресурсами в этих странах, с целью решения вопроса о целесообразности его применения в российских условиях. Повидимому, по итогам указанного анализа должны быть получены ответы, в том числе, на следующие ключевые вопросы:

- В какой мере достижения частного предпринимательства в водном секторе Британии, Франции, а также некоторых других стран, связаны с преимуществами (если таковые имеются) частного метода предоставления услуг в водном секторе?
- В какой мере эти успехи следует отнести на счет глобализации, включая использование преимуществ этих стран на мировом рынке водохозяйственных услуг? Другими словами, в какой мере проблемы водопотребителей этих стран решаются за счет остального мира?

К сожалению, в России отсутствует такой анализ опыта этих стран.

б) Горькие плоды экспансии транснациональных корпораций (ТНК) в «третьем мире»

Не случайно в последнее десятилетие во многих странах, где осуществляют свой бизнес Suez, Veolia и английские ТНК, участились их конфликты с населением и властями из-за несправедливых условий предоставления этими компаниями водных услуг, прежде всего, бедным слоям населения.

Зарубежная экспансия английских и французских ТНК является государственной политикой этих стран. Например, в Англии при приватизации водного сектора был принят специальный Закон о Воде 1983 г. по активизации зарубежной экспансии английских водных компаний. Несмотря на то, что существующая в стране система регулирования деятельности частных водных компаний является жесткой и всеобъемлющей, но она фактически не интересуется источниками и объемом прибылей, получаемых от зарубежной деятельности. Главное – выполнение компаниями внутренних обязательств. Поучительным является один из аргументов необходимости активизации зарубежной экспансии: «Исчезли доходы для многих секторов британской экономики с ликвидацией колониального режима. В будущем обеспечение услуг по управлению и подготовке кадров в развивающихся странах является одним из ключевых факторов для поддержания и расширения присутствия британской индустрии в этих странах. Если мы не реализуем эту политику, то другие

страны завоюют ту долю рынка, которая является нашей» [10]. При этом особое внимание в британской политике уделяется проникновению в водный сектор восточноевропейских стран, прежде всего, России. У стран не должно быть иллюзий: ТНК приходят в страну не в качестве филантропов и даже не в качестве равноправных партнёров, а для того, чтобы извлекать максимальную прибыль, частью которой они должны «делиться» для выполнения обязательств в водном секторе своих стран.

Опыт 1990^х годов убедил ТНК Англии, Франции и других западных стран, что для них намного выгоднее осуществлять не прямые инвестиции за рубежом, а обеспечить своё доминирование на водном рынке ценных бумаг, обеспечивающих высокую прибыльность. Этим и объясняется то, что сейчас на водном рынке преобладают богатые «стратегические инвесторы» (такие как водные ТНК) и «финансовые инвесторы» (разного рода фонды, часто не имеющие никакого отношения к воде). В этих условиях спекулятивный характер рынка создаёт серьёзную угрозу выживанию, например, небольших водоканалов (каких в России большинство), часто вынужденных акционировать и выставлять на рынок свои предприятия. Как подчеркивается в исследовании частной инвестиционной фирмы в сфере ЖКХ «Phoenix Strategy Investments LLC» (2003 г.), при покупке водохозяйственных предприятий такими инвесторами «реализуются преимущества из низких процентных ставок и присущей покупаемой компании ЖКХ возможности использовать кредиты для биржевых спекуляций с целью повышения доходности акционерного капитала покупателя» [11]. Но такие биржевые спекуляции ущербны для реального производителя (например, водоканала) из-за рыночной нестабильности. В то же время его партнер – богатый «инвестор», формирующий тенденции на рынке и участвующий в этом «непыльном и выгодном для миллионеров бизнесе» (выражение из журнала «Секрет фирмы», №29 от 30.07.2007г.) [12], может всегда с выгодой покинуть такое «рискованное предприятие», каким обычно является сектор водоснабжения и водоотведения. Именно такой подход заложен в основу государственной политики, например, Британии [13].

в) Всемирный Банк как выразитель интересов ТНК

Мощными инструментами экспансии западных корпораций в «третьем мире» являются Всемирный Банк, Евросоюз, ВТО, и другие глобальные и региональные финансовые институты и организации.

Займы Всемирного Банка, предоставленные водному сектору стран «третьего мира», направляются, в основном, на решение двух задач: 1) приватизацию водного сектора этих стран; 2) внедрение в этих странах принципа полной оплаты услуг водного сектора самими потребителями. Именно решение указанных двух задач обеспечивает ТНК возможность проникновения и доминирования в водном секторе стран «третьего мира». По оценкам доклада «Вода в интересах всех», подготовленного исследовательской организацией США «Гражданское Общество» [14], в 2000–2004 гг. Всемирный Банк предоставил водному сектору стран «третьего мира» займы в объёме 3879 млн. долларов. Однако было поставлено условие, чтобы от 80% до 100% этих средств использовались на поощрение приватизации воды и внедрение принципа полной оплаты услуг потребителями. В основном, это займы на непроизводственные расходы.

Более того, под давлением Банка в 1995–2005 гг. страны – получатели займов предоставляли вышеуказанным ТНК – гигантам бесплатно как бы «для демонстрации приватизации» огромное количество принадлежащих государству предприятий водоснабжения и водоотведения в Аргентине, Филиппинах, Боливии, Индонезии, Южной Африке и других странах. ***Результаты этих «демонстрационных» проектов были катастрофическими.*** Непомерно повышались тарифы на воду, наступал кризис здравоохранения, переданные частнику водохозяйственные предприятия, выходили из-под контроля государственной системы регулирования. Более того, частник не выполнял обязательства по контрактам в отношении инвестиций из-за ориентации на максимальную прибыль, увеличивалась безработица, ослабевала роль профсоюзов, возрастало загрязнение окружающей среды, возрастало количество секретных сделок в секторе водоснабжения и водоотведения, усиливались социальные волнения.

Социальные и экологические проблемы, связанные с приватизацией воды, повлекли за собой волны протеста в Африке, Латинской Америке и Азии, направленные против политики Всемирного Банка и стоящих за ним западных ТНК.

Указанные негативные для развивающихся стран результаты действий Всемирного Банка показали несостоятельность широко разрекламированных во всем мире заявлений о том, что только ТНК способны реализовать одобренные ООН Цели Развития Тысячелетия (MDG) в области воды. Эти цели заключаются в том, чтобы «уменьшить наполовину к 2015 году число людей в мире, не имеющих доступа к безопасной питьевой воде и удовлетворению основных санитарных потребностей, относящихся к воде». Уже сейчас ясно, что эти цели не будут достигнуты. Для их достижения необходимо в три раза увеличить объемы инвестиций в этой области, т.е. увеличить их с 30 млрд. долларов до 80–90 млрд. долларов в год. Этого не произошло [15].

Крупнейшие водные ТНК пришли к выводу, что их потенциальные прибыли от инвестиций в развивающихся странах вообще не соответствуют тому, что они ожидали. К такому же, по сути, выводу пришел и Всемирный Банк в своей стратегии в области воды (2003 г.) [16]. В ней признается тот факт, что только за период с 1997 по 2002 гг. инвестиции частного сектора в водное хозяйство сократились более чем в 2 раза.

1.2. Тупики частного метода управления водой

Вода является необычным природным ресурсом. Британский журнал “The Economist” от 08.02.1986 г. с иронией пишет, что «если вы можете приватизировать воду, тогда вы сможете приватизировать всё, что угодно», имея в виду важность воды для самой жизни и абсурдность её приватизации.

Объективный анализ вышеприведенных принципиальных фактов через призму исторического процесса развития водных ресурсов в разных странах неизбежно привел бы к следующему выводу. *Приватизация воды, этого особо важного для жизни человека природного ресурса, проводимая с начала 1990^х гг. XX века по настоящее время, не является магистральным пу-*

тем, по которому пойдет мир, а кратковременным в историческом масштабе результатом выполнения политических установок правительств Тэтчер в Британии и Рейгана в США. Эти установки были продиктованы нарастанием кризисной ситуации в экономиках крупнейших западных стран в 80-е годы.

Указанные факты подтверждают правильность общих выводов классиков политической экономии, например, Адама Смита и Карла Маркса (сейчас это признается в серьезных исследованиях) [17], [18], что частный сектор по определению не способен кардинально решать проблемы воды, в частности, предоставлять капиталовложения в водохозяйственную инфраструктуру – основу развития водного сектора. Не решают проблему и технологические достижения в водном секторе, призванные внести значительный вклад в решение водной проблемы. Инфраструктура водного сектора, по сравнению с другими отраслями экономики, капиталоемкая и слабо восприимчива к технологическим достижениям. По данным доклада ОЭСР “Infrastructure to 2030: Telecom, Land Transport, Water and Electricity”, 2006 г., объем инвестиций в инфраструктуру водного сектора в 2015 и 2025 гг. может быть уменьшен только на 6,7% за счет внедрения в этот сектор технологических достижений [19], где возможны привлекательные «площадки» для частного. *Поэтому остается надежда только на государство.* Ему будет и далее принадлежать ключевая роль в водном секторе, особенно в решении социальных, экологических и финансовых вопросов государственной водохозяйственной политики.

Хищническая природа частного сектора в последние годы наглядно проявляется в развитии рынка бутылочной воды. Ежегодные доходы ТНК на этом рынке (100 млрд. долларов – данные ОЭСР) [19], будучи перенаправленными на развитие обычного питьевого водоснабжения (из крана), оказали бы большое содействие в решении этой проблемы, включая достижение Целей Развития Тысячелетия. На самом же деле происходит наоборот. Рынок бутылочной воды растет на 10% в год, принося сверхприбыли ТНК, в то время как, например, водохозяйственная инфраструктура в странах «третьего мира» почти не разви-

вается, находясь в полной зависимости от внешней помощи. А в экономически развитых странах эта инфраструктура активно стареет. Выше уже упоминались необходимые расходы в Британии (около полтриллиона долларов) на поддержание этой инфраструктуры. В США затраты на инфраструктуру водоснабжения и водоотведения (по данным Бюджетного Комитета Конгресса США, 2002 г.) [20] на период до 2019 года должны составлять огромную сумму от 71,7 до 98 млрд. долларов в год. Не является это одной из причин того, что американцы, будучи людьми здравомыслящими, не торопятся приватизировать водный сектор?

1.3. Государственно-частное партнёрство (ГЧП) как наиболее выгодный для частного, но ущербный для государства метод получения прибыли

а) Неспособность частного и невыгодность для него вне модели ГЧП решать ключевые водохозяйственные проблемы

Выше уже упоминался вывод о невыгодности для ТНК осуществлять прямые инвестиции в водном секторе стран «третьего мира». Более того, частник по определению не способен кардинально решать проблемы воды. Не решают их и технологические достижения в водном секторе, где частник мог бы найти выгодное применение своим капиталам. ***Ещё раз следует подчеркнуть, что в этих условиях остается надежда только на государство при решении проблем водного хозяйства.***

Поэтому, навязав приватизацию и либерализацию в водном секторе, западные страны стали активно продвигать модель «государственно-частного партнёрства» (ГЧП) в этом секторе. Однако ***до сегодняшнего дня отсутствуют убедительные примеры эффективности этой модели в интересах комплексного решения проблем водного сектора*** с целью, прежде всего, удовлетворения потребностей людей в водных услугах.

В последние 20 лет, следуя установкам «Вашингтонского консенсуса», в этот процесс вовлекались даже многочисленные успешно работающие предприятия водного сектора в разных

странах мира, в том числе, в Британии и России. Получение частником государственного «наследства», наряду с большой прибылью, создавало иллюзию всеобщих преимуществ частного предоставления услуг в этом секторе. Но вскоре «снятие сливок» с государственного наследства подошло к концу. ТНК (это хорошо подтверждает опыт Британии) убедились в невыгодности для себя и неспособности решения обременительных проблем водообеспечения (особенно в поддержании и развитии водохозяйственной инфраструктуры), которые ранее были прерогативой государства. Поэтому им и понадобился новый механизм для поддержания и увеличения своих прибылей в водном секторе. Такой механизм может быть построен, прежде всего, на приобщении к государственным бюджетным средствам. Именно в этом и заключается суть модели ГЧП. ***Чем весьма выгодна модель ГЧП для частного – в её рамках он получает гарантии со стороны государства и страхование от политических рисков, в максимальной степени снимает с себя ответственность и риски за самый трудоёмкий и неприбыльный компонент в водном секторе, а именно, за поддержание и развитие инфраструктуры.*** В рамках ГЧП, как показывает мировой и российский опыт, высокие прибыли частного бизнеса поддерживаются из государственного бюджета.

Механика вышеуказанной мимикрии частного с целью поддержания сверхприбылей (в том числе, в рамках ГЧП) хорошо отражена в зарубежных исследованиях, в частности, в глубоком философском, политико-экономическом и политико-экологическом анализе английского ученого К. Баккер [18]. По итогам исследования автором написана книга: «Несовместимый с рынком основной продукт. Приватизация воды в Англии и Уэльсе», 2003 г. ***Изучение в России зарубежного опыта «открыло бы глаза» на пороки приватизации в водной отрасли (естественно, при наличии желания «открыть глаза»).***

Что касается последствий внедрения ГЧП для потребителей, возможно, «моментом истины» следует считать вынужденное признание главного покровителя частной собственности - Международного Валютного Фонда (МВФ). В своём докладе: «Госу-

дарственно-частное партнерство», 12 марта 2004 г. МВФ так определил принципиальные финансовые последствия такого «партнерства»: «когда в результате государственно-частного партнерства осуществляется переход от государственного заимствования средств для выполнения проектов, к частному заимствованию таких средств, то в большинстве случаев финансовые затраты на их выполнение возрастают» [21]. Другими словами, у частного всё дороже, а в водном секторе – намного дороже из-за высокой доли капитальных затрат, по сравнению с другими отраслями экономики. Продвигаемая МВФ модель ГЧП предусматривает, что указанный рост затрат покрывается водопотребителями. Это ложится, как показывает мировой опыт, непосильным бременем на население, особенно на бедняков.

В этом же докладе МВФ признаёт, что «несмотря на обилие публикаций в мире, пропагандирующих ГЧП, в теории много неясных сторон, а практика противоречива».

б) Бизнес «империи» Дерипаски – красноречивый пример ГЧП в ущерб государственным интересам

О том, что высокие прибыли частного бизнеса поддерживаются из государственного бюджета, свидетельствует опыт не только в сфере водоснабжения и водоотведения. Ниже приведён только один пример ущерба стране от модели ГЧП в российской гидроэнергетике. Этот пример также наглядно показывает, как модель ГЧП, являясь неэффективной при решении реальных задач, обеспечивает частнику фактически необъятные возможности для различных манипуляций с целью «обобрать» государство и его граждан.

Сверхприбыли владельца алюминиевой отрасли России О. Дерипаски огромны: по информации газеты «Ведомости» от 24.02.2009 г., акционеры ОК «Русал» с 2001 по 2008 гг. получили только в виде дивидендов 10 млрд. долларов [22]. Однако это далеко не всё. Сверхприбыли обеспечиваются не только почти 100%-м частным экспортом алюминия, с использованием для этого толлинговых и оффшорных схем, наносящих огромный ущерб государству. **Кроме уклонения от налогов при таких**

схемах, высокая прибыльность компании Русал обеспечивается тем, что в её руках сосредоточены уникальные и дешёвые гидроэнергетические ресурсы Сибири.

Электроэнергия имеет ключевое значение при производстве алюминия. Её доля в среднемировых расходах на выплавку металла составляет 30% [23]. Однако при выплавке алюминия расходы Русала на электроэнергию составляют всего лишь 15% от себестоимости. По оценкам экспертов, расходы Русала на производство 1 тонны алюминия составляют около 900 долларов, в то время как в среднем в мире – 1100–1200 долларов [24].

Для обслуживания потребностей Русала в дешёвой электроэнергии создана крупнейшая в России частная компания ОАО «Евросибэнерго». Она контролирует следующие энергоактивы: ОАО «Иркутскэнерго» (Усть-Илимская ГЭС, Братская ГЭС, Иркутская ГЭС, 9 теплоэлектростанций, электросети); Красноярская ГЭС (в ближайшее время «Евросибэнерго» должно получить 68,26% акций этой ГЭС); ООО «Автозаводская ТЭЦ» (Нижний Новгород); ряд сбытовых компаний, угольные активы, и т.д. **Для своих нужд компания Русал использовала 70% электроэнергии, вырабатываемой Саяно-Шушенской ГЭС [25].**

Русал участвует в долевом с государством строительстве Богучанской ГЭС на Ангаре мощностью 3млн. кВт, электроэнергия которой будет обеспечивать производство первичного алюминия на строящихся Богучанском и Тайшетском алюминиевых заводах (проект БЭМО). **Эта модель ГЧП выгодна для Дерипаски, однако она очень сомнительна с точки зрения общегосударственных интересов.** По состоянию на 2004 год, государство выполнило значительную часть работ по строительству БоГЭС (освоено 2 млрд. долл. из общей стоимости работ в 3,6 млрд. долл.). Более того, в 2006 г. из Госфонда выделено ещё 34,41 млрд. рублей на развитие инфраструктуры, включая БоГЭС [26].

В этих условиях энергохолдинг О. Дерипаски (ему принадлежит 50% акций БоГЭС), уже выкупил до 2028 года всю дешёвую электроэнергию, которую с 2010 г. начнёт вырабатывать ГЭС. **Указанный пример характеризует паразитическую суц-**

ность частного, прилипающего к создаваемой государством инфраструктуре в своих узкокорыстных интересах.

Кроме указанного ущерба для государства от использования модели ГЧП в гидроэнергетике, история строительства Богучанской ГЭС (БоГЭС) на Ангаре является также красноречивым примером того, что модель ГЧП порождает конфликты, следствием которых являются:

- а) Неопределённость с потребителями электроэнергии;*
- б) Финансовая неразбериха, удорожание строительства объектов;*
- в) Срыв графиков строительства объектов;*
- г) Снижение надёжности объектов, в конкретном случае БоГЭС велики риски от расчленения единого технического проекта ГЭС;*
- д) Пренебрежение экологическими требованиями.*

Кроме законтракованной до 2028 года электроэнергии Богучанской ГЭС, ОК Русал договорилась с энергетиками о поставках электроэнергии на Братский, Красноярский и Саянский алюминиевые заводы до 2018 г. и до 2020 года. Цена электричества будет привязана к котировкам алюминия на Лондонской бирже металлов. Благодаря этому, ОК Русал, по оценке экспертов, сможет экономить на электроэнергии при работе указанных заводов до 13 млрд. рублей в год [24].

Следует подчеркнуть, что за рубежом долгосрочные соглашения в электроэнергетике считаются противоречащими принципам рынка. В частности, Евросоюз жёстко пресекает заключение долгосрочных соглашений о закупке частником продукции электроэнергетики (РРА), которые в условиях частной собственности в электроэнергетике противоречат принципам конкуренции на оптовых рынках. Евросоюз считает, что соглашения РРА являются незаконной государственной помощью тому или иному частнику - владельцу энергоактивов за счёт налогоплательщика [27].

Дерипаска воспользовался обстоятельствами, связанными с трагедией на Саяно-Шушенской ГЭС (государство выделит 40 млрд. рублей из бюджета на её восстановление). Он обратился к

В.В. Путину с предложением (письмо от 05 октября 2009 г.) [28] о приватизации части активов РусГидро, в частности, о включении Русала в состав совладельцев Саяно-Шушенской ГЭС (якобы, с целью повышения её надёжности и эффективности). Однако полагаем, что принятие такого предложения обеспечит магнату исключительно выгодное использование дешёвой электроэнергии ГЭС, в том числе, для толлинговых и оффшорных операций, наносящих ущерб России. Поэтому не существует никаких оснований называть указанные отношения «партнёрством» государства и частного.

В итоге вышеуказанной «консолидации» Евросибэнерго установленная мощность этого частного объединения составит 19,5 млн. кВт и 17,57 тысячи Гкал. час тепла. В целом, сибирские заводы Русала потребляют 30% электроэнергии в этом регионе [29]*.

Имеются основания полагать, что энергетические мощности, принадлежащие Дерипаске, так же, как и мощности Русала, используются по схеме, позволяющей уклоняться от уплаты налогов в российскую казну. Это подтверждается тем, что головная компания в энергетической империи Дерипаски En + Power Holdings Ltd (она приобрела 100% акций Евросибэнерго), так же, как и Русал, зарегистрирована на английском острове Джерси.

Принципиальной особенностью вышеуказанных долгосрочных договоров является то, что Дерипаска фактически перекладывает прибыль из одного кармана в другой, поскольку энергоактивы контролируются структурами олигарха. В этой связи интересны данные журнала The Wall Street Journal от 10 октября 2008 г. [31] об энергетических доходах принадлежащей О. Дерипаске компании «Базовый элемент» в 2007 г. Они составили 16,21 млрд. долларов в энергетике, 6,18 млрд. долла-

**Примечание: Некоторые цифры для справки: по данным компании «Базовый элемент», принадлежащей О. Дерипаске, в 2013 г. она будет вырабатывать 140 млрд. кВт. час электроэнергии на собственных энергоустановках [30]. Согласно БСЭ (параграф «Алюминиевая промышленность»), для выплавки 1 тонны алюминия расходуется до 18 тыс. кВт. час электроэнергии*

ров в обрабатывающей промышленности и около 4 млрд. долларов в других отраслях.

Оценка указанных огромных доходов олигарха в энергетике через призму производственной и другой деятельности Русала показывает, что эта компания – не единственный крупный потребитель продукции энергетической империи Дерипаски «Базовый элемент». Выходит, правы специалисты, предполагающие следующее. Непосредственной причиной катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС, возможно, стали два фактора:

1) ГЭС длительное время работала в режиме недопустимой пиковой нагрузки для удовлетворения потребностей принадлежащих Дерипаске алюминиевых заводов.

2) «Избыточная электроэнергия перекачивалась в приграничные районы и продавалась более успешным представителям мировой экономики» [32].

Русал использует и другие приёмы для снижения энергетических издержек при производстве алюминия: за счёт государства или других частных энергокомпаний. Как уже отмечалось, в Сибири алюминиевые заводы Русала потребляют 30% электроэнергии в этом регионе. Её источниками являются не только генерирующие компании Русала. В этих условиях структуры Русала как крупные потребители широко манипулируют рынком электроэнергии, вынуждая генерирующие компании в разы обрушивать оптовые цены на электроэнергию [33]. Это приводит к дополнительным барышам для Русала и большим потерям для остальных участников рынка. Такие потери значительно возрастут в 2011 году, когда 100% электроэнергии будет продаваться на свободном рынке (в 2010 г. эта цифра составляет 60%).

После катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС в СМИ появилась информация о том, что, всяческими путями, в том числе, используя близость к Кремлю, Дерипаска добивался суперльготных тарифов на электроэнергию для своих заводов. После трагедии на Саяно-Шушенской ГЭС В.В. Путин заявил, что важно не допустить повышения цен на электроэнергию для потребителей в Сибири.

Показательны принципиальная позиция и методы работы О. Дерипаски. Вот только два примера:

1. Один из них характеризует отношение называющего себя «государственником» О. Дерипаски к тому, что выходит за пределы его конкретного бизнеса. Свою позицию по этому вопросу он недвусмысленно изложил в интервью журналу «Прямые инвестиции», 22 марта 2004 года [34]. Он заявил, что его критерии инвестирования основаны на оценке конкурентоспособности возможного объекта инвестирования и его рыночной ценности. В эти критерии также входят состояние потенциала производства товаров и услуг на этом объекте, возможности его реструктурирования и слияния с другими, принадлежащими О. Дерипаске, компаниями. Что касается неприбыльных компаний, они будут получать инвестиции только в том случае, если окажутся способными быстро стать прибыльными.

Следуя указанным критериям, одна из структур О. Дерипаски – «Российские коммунальные инвестиции» (РКИ) – дочернее предприятие группы «Базовый элемент», в 2004 году *свернула вообще свою деятельность в Бурятии, т.к. не было выгодных для РКИ объектов в этой социально важной, но полуразрушенной сфере*. В то же время находящийся в собственности г. Улан-Удэ «Водоканал», устойчиво функционирующий без всяких частных инвестиций, но на который компания РКИ «положила глаз» (выгодный объект!), отказался от перехода в собственность структуры олигарха. Власти г. Улан-Удэ благоразумно рассудили о негативных последствиях такого шага [35]. *Таким образом, о роли олигарха в социально-экономической жизни России «судите по делам его», а не по красивым словам, как он «помогает государству»*. Тем более, в таких животрепещущих вопросах, как ЖКХ.

2. На сайте журнала «Северный странник» [36] утверждается, что четыре года после захвата в 1994 г. братьями Черными (компаньонами О. Дерипаски) Саянского алюминиевого завода (СаАЗ) – основного потребителя электроэнергии Саяно-Шушенской ГЭС, Дерипаска как Генеральный директор и акционер СаАЗа почти не платил за электроэнергию, платил только по

решениям судов. Это означает, что четыре года не было реального ремонта агрегатов Саяно-Шушенской ГЭС. Этот пример наглядно характеризует то, как наносится ущерб государству от узкоэгоистических действий частного, в том числе, в рамках модели ГЧП.

Однако эта модель, направленная на создание максимально благоприятных условий для частного бизнеса, оказалась несостоятельной. Незаслуженными были многочисленные восторги о «талантливом», «эффективном менеджере» О. Дерипаске, который в 2008 году стал самым богатым миллиардером России. В том же году наступил крах «империи» Дерипаски, которая оказалась надутым и вмиг лопнувшим «пузырём», показавшим примитивность и ущербность методов и средств владения и управления богатейшими отраслями страны. Долги Русала оказались настолько велики (по подсчётам газеты «Коммерсант», 2 февраля 2009 г., они составили 30 млрд. долларов) [37] и настолько опасны для страны в экономическом, политическом и социальном отношении, что потребовалось срочное и масштабное вмешательство правительства страны для спасения компании от краха. Финансовые меры по спасению олигарха осуществлялись за счёт средств госбюджета, т.е. граждан России.

Итак, вышеназванные и многие другие факты свидетельствуют о том, что частные структуры олигарха О. Дерипаски, в нарушение действующего законодательства (масштабное уклонение от налогов), используя хаос в российской электроэнергетике, используя специально создаваемые для них схемы ГЧП, пренебрегая рыночными требованиями созданной в России капиталистической экономики, получают неправомерно высокие прибыли в ущерб общегосударственным интересам.

В то же время системный кризис, поразивший Россию, показал уязвимость и неэффективность управления в структурах «империи» Дерипаски, других частных и псевдогосударственных структурах, что приводят к дополнительным огромным потерям в экономике, негативным социальным последствиям. Указанные потери и невзгоды, как и пороки частной собственности и управления во всей экономике, ложатся, в конечном итоге, тя-

жёлым бременем на рядовых граждан России, обрушая «индекс развития человеческого потенциала». Этот показатель (уровень доходов, образования и здоровья) является ключевым и общепризнанным в мире при оценке качества жизни людей. Как свидетельствует Доклад ООН о развитии человека (2005 г.) [38], в России этот индекс резко снизился за последние два десятилетия. Он продолжает падать, уравнивая Россию с самыми отсталыми странами мира. Например, ООН подчёркивает, что катастрофически высокая смертность среди российских мужчин не имеет прецедентов в истории.

Что касается находящихся в собственности и контролируемых О. Дерипаской (в том числе, в рамках ГЧП), значительных энергетических активов, необходима незамедлительная их передача под государственный контроль, с целью использования в общегосударственных интересах. *Здравому смыслу, мировому опыту и социальной справедливости противоречит система собственности и управления, при которой созданная невероятными усилиями всего народа уникальная гидроэнергетическая инфраструктура Сибири используется в узкокорыстных частных интересах, нанося ущерб обществу, экономике и природе.*

1.4. Невыгодность для России долгосрочного «партнёрства» с ТНК в водной отрасли (некоторые примеры)

Имеются основания полагать, что и в России Всемирный Банк и ТНК диктуют условия приватизации и организации проектов в водном секторе. Так повелось ещё с 1990^х годов, когда для выполнения проекта «Охрана окружающей среды» (имеющего значительную водную компоненту) Всемирный Банк предоставил России разорительный займ в 110 млн. долларов на условиях, недостойных для суверенного государства [39].

За последнее десятилетие зарубежные заёмные средства России, в целом, на цели ЖКХ (по неполным данным) составили около 1,5 млрд. долларов [40]. Из них несколько сот миллионов долларов – это займы Всемирного Банка и Европейского банка

реконструкции и развития (ЕБРР) на цели водоснабжения и водоотведения. Условия предоставления займов не отличаются от тех, которые навязываются слаборазвитым странам: 1) приватизация сектора водоснабжения и водоотведения; 2) внедрение принципа полной оплаты услуг водного сектора потребителями; 3) Предоставляя займы, ставится условие, что они будут, в основном, реализовываться западными ТНК.

В последние годы *происходит сращивание интересов и деятельности российских частных структур и ТНК с целью ускорения приватизации в водном секторе России и включения его в спекулятивный оборот на глобальном рынке, заведомо проигрышный для российского частного сектора и ущербный для страны.* Такие финансовые «игры миллионеров» (и миллиардеров) наносят ущерб реальному производству.

Особенностью проектов, выполняемых в России с участием займов – их закрытость, «непрозрачность». По этой причине трудно судить об эффективности использования этих займов. В 2007 г. депутаты Госдумы пытались получить из Росстроя информацию о положении дел с выполнением таких проектов, но получили отказ со ссылкой на требования Всемирного Банка о «конфиденциальности финансовой информации», относящейся к проектам [41]. В данном случае налицо лицемерие политики Банка, который в своих директивных документах (для широкой публики) одним из ключевых условий ставит «прозрачность» реализации займов, а на самом деле, всё происходит наоборот.

Информация, которая становится общедоступной, удручает. В 2008 г. Счетная Палата РФ провела выборочную проверку эффективности использования займов ЕБРР и Банка “Nordic” для реконструкции системы водоснабжения г. Калининграда и выявила вопиющие нарушения, ущерб государству и населению города от ненадлежащего использования средств этих займов [42].

Возникают вопросы и к другим проектам в секторе водоснабжения и водоотведения, выполняемым в России с использованием внешних займов. Главный вопрос: не является ли очень высокой для России цена такого сотрудничества? Конечно, для

ТНК рынок России – весьма лакомый кусок, они очень хотели бы распространить уже имеющийся, например, в Москве, негативный для России опыт на всю страну. Но выгодно ли это стране? Например, по имеющимся данным [43, 44, 45, 46, 47], эффективность средств, вложенных в строительство (с участием ТНК) станции очистки стоков в Южном Бутово г. Москвы в несколько раз ниже эффективности затрат на станции очистки стоков, строящейся китайцами совместно с компанией Suez.

Московское правительство, чтобы не увеличивать недовольство населения значительным ростом тарифов ЖКХ, возмещает инвестиционные затраты иностранных ТНК не за счет тарифов, а за счет лимитов капитальных вложений г. Москвы (доклад Мосводоканала, 2006г.) [48]. Не этим ли объясняется, в частности, уменьшение вдвое (с 500 тыс. куб.м. в сутки до 250 тыс. куб.м. в сутки) производительности Юго-Западной станции водоснабжения по сравнению с запланированной? Что же получается: раньше государство субсидировало российские предприятия водоснабжения и водоотведения, а сейчас оно субсидирует транснациональные корпорации. Не является ли ущербным для страны и водопотребителей такой подход?

3. При этом нельзя не учитывать такой факт: в Москве, где сходятся финансовые потоки со всей страны, вероятно, имеется возможность осуществлять дорогостоящие проекты без возложения полных затрат на население. Но что делать властям многочисленных российских городов и их нищим Водоканалам, у которых отсутствуют такие возможности, как у Москвы?

Примером невыгодности для потребителей и страны является деятельность шумно разрекламированной частной компании «Дон ВК Юг», получающей западный кредит для решения проблем водоснабжения и водоотведения в Ростовской области. Эта деятельность только в 2007 г. привела к повышению на 20% тарифов на эти услуги, хотя решение главной проблемы (замена водоводов и развитие инфраструктуры) всё равно остаётся за государством [49].

В постановлении Правительства Москвы № 754 – ПП от 9 сентября 2003 г. [50] подчеркивается, что российским строи-

тельным фирмам будет передано не менее 80% объема строительно-монтажных работ по Юго-Западной водопроводной станции. Однако, это, казалось бы, позитивное обстоятельство, не дает повода для радости. Все права и функции исполнителя проекта принадлежат зарубежной ТНК, которая нанимает российские субподрядные организации далеко не на тех условиях, на которых работает сама.

В нашей стране – это уже установившаяся практика, которая часто принимает уродливые формы. Россию, например, «оккупировало» множество западных так называемых «консалтинговых» фирм, прибывших к нам «на ловлю счастья и чинов» и выкачивающих из страны бесчисленные миллионы долларов. Они заключают международные контракты на предоставление экспертных и консультационных услуг российским предприятиям и учреждениям на выгодных для себя условиях, на основе международных стандартов. Но практическую работу за мизерное вознаграждение выполняют уже российские «гастарбайтеры». Как правило, это – высококвалифицированные ученые и специалисты, выпускники вузов, сотрудники НИИ и т.д. На этом фоне жирующих в России западных «консалтинговых» фирм продолжается разрушение из-за острого недофинансирования ещё недавно мощного отечественного научно-технического потенциала водной отрасли.

Глава 2. Водный кодекс РФ как навязанный извне инструмент подрыва суверенитета России в водной отрасли

2.1. Коренные противоречия Запада и «остального мира» в природоресурсной сфере (провал переговоров в ВТО)

Выше уже отмечалось, что Водный кодекс РФ разрабатывался западной фирмой при методическом руководстве и финансовой поддержке со стороны Евросоюза. О том, каковы были истинные цели ЕС в таком «руководстве», выявляется при ана-

лизе многолетнего переговорного процесса в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) по принятию Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС). В переговорах ГАТС, наряду с другими вопросами, также рассматривались вопросы международной торговли экологическими товарами и услугами (основная их часть является услугами в водной отрасли). Как известно, указанный переговорный процесс (так называемый «Раунд Доха») в 2008 г. закончился полным провалом. *Главной его причиной стали двойные стандарты стран Запада, которые выступали категорически против иностранного участия в судьбе «своих» водных ресурсов, отстаивая при этом «право» западных ТНК на доминирование в водохозяйственном комплексе остального мира.*

В переговорный период странами Запада прилагались значительные усилия в попытках получить согласие остального мира по ключевым статьям ГАТС, навязать ему юридически обязательный, выработанный «мозговыми центрами» ТНК выгодный им механизм международной торговли экологическими товарами и услугами.

Ключевыми вопросами, включенными в переговорный процесс, были, с одной стороны, предложения развитых стран об открытии рынков развивающихся стран для транснациональных корпораций, максимальном снижении импортных тарифов этими странами на товары и услуги в указанных областях, устранении различного рода нетарифных ограничений. В свою очередь, развивающиеся страны в процессе переговоров рассматривали торговые договоренности в рамках "Раунда Доха", прежде всего, как средство для решения острых социально-экономических проблем в своих странах. Эти страны делали упор на необходимость использования механизма ГАТС/ВТО для достижения одобренных ООН Целей Развития Тысячелетия, главной из которых является преодоление бедности.

Они, в целом, негативно воспринимали предложения экономически развитых стран. Развивающиеся страны обоснованно считали, что реализация этих предложений не только будет им не выгодна в экономическом отношении, но приведет к исчезно-

вению традиционных форм сельского хозяйства, деиндустриализации, истощению природных ресурсов и деградации окружающей среды в их странах и регионах. Экономические потери развивающихся стран только от снижения тарифов на товары и услуги (в рамках соглашения Доха), могут достичь 63 млрд. долларов в год [51]. Эти потери будут значительно умножены в связи с дискриминацией со стороны экономически развитых стран, ограничивающих доступ к новым технологиям, возросшими трудностями в решении ключевых социальных проблем, таких как здравоохранение и образование, уменьшением внимания к проблемам водообеспечения, охраны окружающей среды, и т. д.

США и Евросоюз, рассматривая переговорный процесс только через призму своих интересов, предлагали остальным странам взять расширенные обязательства в секторе транспорта, в сфере экологических услуг в водном секторе, туристическом секторе, розничной продаже, и других секторах [52], [53], [54].

Что касается водного сектора, экономически развитые страны в 2002 г. предложили брать обязательства по сбору и распределению воды, однако, при этом, исключая услуги, связанные с охраной экосистем [55].

Принятие такого предложения участниками переговоров могло бы повлечь за собой обязательства стран допускать иностранных операторов к управлению водой – жизненно важным для многих стран природным ресурсом. Например, у стран вызвало неприятие предложение Евросоюза о снятии ограничений на доступ к водному рынку, прежде всего, по объему поставок. Это может привести к тому, что правительства стран потеряют суверенные права по регулированию объемов и характера водопользования и водопотребления в озерах и речных бассейнах, осуществляемого частным сектором. Наряду с политическим и экономическим ущербом, принятие предложений ЕС может привести к непредсказуемому ущербу для окружающей среды, за который ТНК не несут никакой ответственности.

Предложенные Западом требования ГАТС таковы, что при неблагоприятном для страны развитии сотрудничества с ТНК фактически будет невозможно снять с себя принятые обязатель-

ства. Об этом уже сейчас свидетельствуют многочисленные конфликты практически по всему миру между странами и ТНК.

2.2. Двойные стандарты Запада в отношении «своих» и «чужих» водных ресурсов

Вместе с тем, внося указанные предложения, американцы и Евросоюз заявили, что предложения относятся только к другим странам, но не предполагает для США и ЕС никаких обязательств по открытию своих рынков в области производства энергии, добыче сырья, собственности на энергетические ресурсы, в водном секторе [56], [57]. Например, США считают неуместным механизм ГАТС для регулирования водных отношений и водной деятельности в своей стране. Во Франции запрещена деятельность иностранных водохозяйственных компаний [58], в то время как французские ТНК – гиганты Suez и Veolia, как уже отмечалось, контролируют более 70% контрактов водных компаний по всему миру [57], [2].

Разумеется, вышеприведенная позиция и двойные стандарты США и ЕС вызывали недоверие у многих стран и становились для них неприемлемыми. В этой связи страны-члены ВТО требовали, чтобы услуги в области воды были вообще исключены из тематики ГАТС [59].

Одним из ключевых требований при принятии обязательств ГАТС общего характера является требование о приведении («гармонизации») национального законодательства в соответствие с положениями этого Соглашения. Такое требование, как уже отмечалось, может лишить страны возможности осуществлять самостоятельное регулирование в различных отраслях экономики, социальной сферы и окружающей среды.

Итак, переговорный процесс "Раунда Доха" и был призван закрепить указанные "общие положения", а также дополнительные предложения США и Евросоюза, выдвинутые в процессе переговоров. Однако они оказались неприемлемыми для большинства стран.

Учитывая то, что более двух миллиардов человек в мире лишены Прав на воду, Верховный Комиссар ООН по правам че-

ловека в своём докладе в 2002 году выразил обеспокоенность возможным негативным влиянием Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС) на Права граждан на воду [60].

Следует подчеркнуть, что Водный Кодекс, принятый в РФ в 2006 г., в нарушение Конституции РФ и вопреки одобренным Россией международным конвенциям и другим соглашениям, **ликвидировал существовавшее ранее законодательное закрепление Прав граждан на воду. Это хорошо видно при сравнении трёх статей: Статьи 42 Конституции РФ, Статьи 3 Водного Кодекса РФ 1995г., и Статьи 3 Водного Кодекса РФ 2006 г.**

При проведении «гармонизации» российского законодательства (эта работа осуществляется после принятия Водного кодекса РФ), требуется ответ на следующий ключевой вопрос: как принятие условий ГАТС по торговле ЭТУ повлияет на государственную политику нашей страны в этих отраслях?

Анализ переговорного процесса «Раунда Доха» свидетельствует о том, что многие страны не собирались «играть в одни ворота», т.е. безропотно менять внутреннее законодательство, чтобы угодить требованиям ГАТС. Эти страны на переговорах выражали обеспокоенность размытостью и неоднозначностью требований, сформулированных в Соглашении. Такое неопределённое положение чревато непредсказуемыми последствиями, в частности, для государственного управления водным сектором стран – импортёров услуг. Например, ЕС и Япония предлагали трактовку процедур лицензирования в водном секторе страны, которая при неопределённости и размытости положений ГАТС может наносить значительный ущерб национальной системе бытового водоснабжения и охране окружающей среды [61].

Особенно важно учитывать то обстоятельство, что требования ГАТС направлены на ограничение государственного суверенитета и нарушение внутреннего законодательства стран в этой области, используя для этого механизм приватизации и либерализации торговли в сфере ЭТУ.

Переговорный процесс «Раунда Доха» показал, что западные страны навязывают развивающимся странам выгодные для себя основы национальной политики этих стран в области управления водными ресурсами. Эти действия, подкреплённые сформулированными в ГАТС требованиями, могут препятствовать проведению в странах водохозяйственной политики, направленной на решение ключевых задач социально-экономического развития. Важно в этой связи то, что переговорный процесс «Раунда Доха» сопровождался нарастанием мировой тенденции укрепления прав государственной и общественной собственности на воду [61], [62].

2.3. Либерально-рыночный капкан Евросоюза и ВТО для водной отрасли России

Россия, приняв Водный Кодекс 2006 г. с акцентом на приватизацию воды, пошла вразрез с указанной выше тенденцией [62], фактически безоговорочно приняв требования Евросоюза.

Какова же была позиция на переговорах ГАТС истинного автора Водного кодекса РФ – Евросоюза?

Руководство ЕС в переговорном процессе «Раунда Доха» вовсе не базировалось на положениях Рамочной Водной Директивы ЕС (РВД), закрепившей трепетное отношение к «своим» водным ресурсам как водному наследию Европы, несовместимому с рынком (см. выше п.1 Преамбулы РВД). Что касается других стран, Евросоюз исходил из положений других документов, разрабатываемых в тесном закулисном взаимодействии с транснациональными корпорациями (ТНК). Многие документы навязывались в обстановке строгой секретности [63]. Можно отметить следующие документы, определяющие позицию ЕС в переговорах: The EU and services negotiations in the WTO (2003); Trade in services: conditional offer from the EC and its member states (2003); Water for life – EU Water Initiative: international cooperation – from knowledge to action (2003); Summary of the EC's Initial Requests to Third Countries in the GATS Negotiations (2002); EC Proposal on Licensing Procedures, doc. S/WPDR/W/25, July

2003; ЕС, Environmental Services, S/CSS/W/38 (2000), и многие другие.

В сложившихся условиях являются пустым сотрясением воздуха часто звучащие в России рекомендации руководствоваться Рамочной Водной Директивой ЕС при «гармонизации» российского водного законодательства с требованиями ГАТС. Руководствоваться Директивой ЕС, во-первых, означает, что Российская сторона в переговорном процессе по вступлению в ВТО должна заявить (как это сделали США) [53] о неприемлемости механизма ГАТС для регулирования водных отношений и водной деятельности в России. Более того, будучи последовательными, в таком случае следует признать, что Водный Кодекс РФ требует концептуального пересмотра, прежде всего, запрета либерально-рыночных отношений в водной отрасли, поскольку, по аналогии с позицией Евросоюза, воды нашей страны так же, как и в Западной Европе, являются «наследием России...» (покажите того, кто считает иначе).

Водный Кодекс РФ в полной мере отвечает требованиям ГАТС/ВТО о приватизации и либерализации торговли в водном секторе. В этом отношении Водный Кодекс – уникальный документ. Он является «подарком» Евросоюзу, ВТО и транснациональным корпорациям от российской прозападной «вертикали власти». Водный Кодекс, вопреки своей функции «законодательных рамок» для водного сектора России, фактически является ничем иным, как законодательным механизмом приватизации в этом секторе*.

* **Примечание:** В Водном Кодексе РФ (ВК), принятом в 2006 г., установлены следующие законодательные положения в направлении приватизации воды и ликвидации Прав граждан на воду: А) Введена частная собственность на любые водные объекты (статьи 6, 8, ВК РФ, статьи 624, 261, 1181 Гражданского Кодекса, ГК РФ, статья 77 Земельного Кодекса РФ, ЗК). Б) Любой водный объект или его часть может быть взята в аренду, а затем – на основании положений Гражданского Кодекса РФ и Водного Кодекса РФ выкуплена в частную собственность (статья 624 ГК РФ, статья 6 ВК РФ). В) Собственниками любых водных объектов могут быть российские граждане, иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные юридические лица (Статья

Именно приватизации в водном секторе добивались в своих интересах указанные западные структуры от своих «агентов влияния» в России. Особенно велика была роль и давление Евросоюза. Раскрытые в процессе «Раунда Доха», двойные стандарты ЕС также наглядно проявились в процессе принятия Водного Кодекса РФ.

Евросоюз делит народы Европы на «своих» и «чужих». Свои – это народы региона ЕС, для которых вода (согласно РВД ЕС) является наследием Европы и несовместимым с рынком, важным для жизни основным продуктом. С ним обязаны бережно обращаться, сохранять и защищать от любого посягательства.

Однако такое требование уже никак не применимо к «чужим» народам, включая Россию и остальной мир. Это следует из «Водной Инициативы ЕС» (ВИЕС), с которой Евросоюз впервые выступил на Всемирной Встрече в Верхах по Устойчивому Развитию (Иоганнесбург, 2002 г.).

В дальнейшем Евросоюз конкретизировал свою позицию, в частности, в Заявлении по «Стратегическому партнёрству по воде в целях устойчивого развития в рамках ВИЕС для стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии (ВЕКЦА)». Это Заявление сделано Правительством Дании от имени Евросоюза на 5-й Конференции Министров «Окружающая среда для Евро-

62 Конституции РФ, статьи 3, 6, 8 ВК РФ, статья 261, 1181 ГК, статья 15 ЗК РФ). Г) Водные объекты превращены в имущество, товар, включены в гражданский оборот (статья 4 ВК РФ). Д) Ликвидированы гарантии права граждан на свободное и бесплатное водопользование (статьи 6, 11, 38, 41 ВК). Е) Созданы правовые механизмы запрета на свободный и бесплатный доступ граждан к водоемам (Статья 6, 11, 41 ВК РФ). Ж) Закреплен приоритет защиты прав собственников и арендаторов водных объектов (статьи 6, 8, 41 ВК РФ). З) Органы государственной власти освобождены от обязанности по обеспечению и защите права граждан на свободный и бесплатный доступ к воде. И) Ликвидирован государственный контроль над состоянием водных объектов. К) У федеральных и региональных органов власти изъяты полномочия, составляющие фундамент государственного управления водными ресурсами (статьи 24, 25 ВК РФ). Л) Административная система управления водными объектами заменена гражданско-правовой (рыночной) (статьи 3, 4, 6, 8 ВК РФ) [64].

пы» (Киев, 21–23 мая 2003 г.), организованной Европейской Экономической Комиссией ООН. В Заявлении прямо сказано: «Идея заключается в том, чтобы использовать средства, предоставляемые донорами (международными кредитными организациями) для создания в странах ВЕКЦА потенциала, который позволит привлекать в водный сектор этих стран частное финансирование» [65]. Далее в документах ВИЕС – ВЕКЦА уточняется: «Деятельность будет направлена на улучшение условий для привлечения национальных и зарубежных частных компаний в секторе городского водоснабжения и водоотведения».

Эта позиция, которая распространяется практически на всю сферу ЭТУ, недвусмысленно лоббирующая интересы западноевропейских транснациональных корпораций, также целенаправленно и последовательно продвигалась Евросоюзом в ВТО в течение всего переговорного процесса «Раунда Доха». **Именно эта позиция Евросоюза стала одной из ключевых причин провала соглашения ГАТС.**

Таким образом, российскому водному сектору Евросоюз определил (в отличие от отношения к воде в Западной Европе, закреплённого в РВД ЕС) следующую участь: **вода в России – уже не всеобщее благо, несовместимое с рынком, а товар, который продаётся. Обеспечение Прав человека на воду больше не является ключевой обязанностью государства: российские граждане должны покупать услуги в водном секторе.**

Только в самых отсталых и зависимых от внешней «помощи» странах приняты похожие на российский Водный Кодекс законы, декларирующие доступность к воде, но на самом деле лоббирующие интересы частного сектора, в том числе, ТНК. Они приняты под давлением ТНК, Всемирного Банка и других аналогичных структур [39].

Однако парадокс в том, что, по оценке аналитиков ООН, такие законы в указанных странах фактически существуют только на бумаге [3]. В действительности, они не выполняются. Причина – в этих странах отсутствует необходимый национальный потенциал для реализации государственной водохозяйственной, природоресурсной и природоохранной политики, важной со-

ставной частью которой должно быть регулирование деятельности частного сектора в этих областях. ТНК хорошо понимают этот парадокс и используют его в своих интересах. **Наличие указанных недостатков и трудностей в законодательстве и управлении облегчает доминирование западных корпораций в водном секторе развивающихся стран.**

Способность стран к достижению приоритетных целей в водном секторе определяется совокупностью трех основных составляющих: наличием ресурсов пресных вод, уровнем развития водохозяйственной инфраструктуры, и наличием системы управления водным хозяйством.

Показателями развития национального потенциала в природоресурсной (включая водные ресурсы) и природоохранной сферах, по оценке Программы Развития ООН [66], являются:

- Способность научно обосновать и сформулировать национальную политику, законодательство, стратегии и программы в этой области.
- Способность реализовать указанные политику, законы, стратегии и программы.
- Способность достичь согласия в обществе по выполнению этих задач.
- Способность информационного и кадрового обеспечения выполнения этих задач.
- Способность оценки и контроля выполнения этих задач.

Непредвзятая оценка природоресурсного сектора и природоохранной деятельности в России неизбежно приводит к выводу, что в нашей стране ни один из этих показателей не достигнут. Таким образом, через призму опыта развивающихся стран становится очевидным, что Водный кодекс РФ (представляющий собой механизм приватизации в водном секторе) [64], также **не способен играть роль законодательных рамок для создания, укрепления и реализации национального потенциала России в рассматриваемых областях.** Имеются многочисленные свидетельства несостоятельности и ущерба этого законодательного документа. Например, Прокуратура Пермского

края в 2007 г. выявила 531 серьёзное нарушение Водного Кодекса, а в первой половине 2008 г. там выявлено уже 440 таких нарушений [67]. Указанные нарушения говорят не только об уровне законопослушности граждан и организаций, но и о качестве Водного Кодекса РФ. Засуха 2010 г. подтвердила его ущербность, равно как вопиющую ущербность Лесного и Земельного кодексов.

2.4. Ущерб безопасности России от принятия Водного кодекса РФ

Водный Кодекс не только наносит ущерб, но он неприемлем с точки зрения безопасности России. И не только тем, что он создан для обслуживания интересов незначительной части российского общества, в ущерб интересам большинства населения и природы страны. Опасность в том, что положения Водного Кодекса РФ уже находятся в «гармонии» с требованиями ГАТС/ВТО, несмотря на то, что это Соглашение отвергнуто другими странами из-за многочисленных непредсказуемых негативных последствий его принятия. Приняв сомнительный с точки зрения мировой практики Водный кодекс, власть поставила водную отрасль страны в уязвимое положение в системе международного водохозяйственного сотрудничества. Давайте рассудим, опираясь на принятый Водный кодекс РФ и требования ГАТС:

Всемирный Банк и другие «инвесторы» предоставляют кредиты на развитие частного сектора в водном хозяйстве. В рамках этого процесса страна может неожиданно обнаружить, что услуги приватизированных предприятий водной отрасли уже автоматически перешли в сферу её обязательств в ГАТС, в том числе, обязательств по доступу иностранных компаний в эту отрасль и предоставления им национального режима. Это предполагает ограничения в действиях Правительства по реализации внутренней водохозяйственной политики.

Никакие ограничительные условия по предоставлению частных услуг, изложенные страной при принятии обязательств в ГАТС, не могут предусмотреть всё разнообразие экономической жизни, водохозяйственной деятельности и экологических изме-

нений. Никакая самая совершенная система государственного регулирования не способна отразить всё разнообразие последствий проводимой приватизации и отразить их в ограничительных условиях в ГАТС. Может сложиться такая ситуация, когда иностранная ТНК станет предъявлять свои законные (с точки зрения ГАТС) права в любой стране на использование всего или части речного бассейна, водоёма, права предоставления (на своих условиях) услуг в секторе водоснабжения и водоотведения, и т.д. Как уже отмечалось, ТНК имеет право на такие требования вне зависимости, например, от государственных долгосрочных планов развития бассейна, планов развития водоснабжения в системе ЖКХ, природоохранных мер, и т.д.

До настоящего времени в мире ещё не было международно-го соглашения, сравнимого с ГАТС, которое предполагает такое широкомасштабное и значительное вмешательство в прерогативу Правительства в водном секторе. В этом отношении, говоря простым языком: «ВТО хуже НАТО». При организации мероприятий НАТО, например, в Новосибирске, Киеве или Ташкенте (НАТО уже и туда добралась) [68], люди подсознательно (на «генетическом» уровне) знают истинные цели этой организации. Что касается ГАТС, его требования, как раковые метастазы, могут проявляться повсеместно, неожиданно и неизлечимо.

Ситуация будет усугубляться тем, что, в соответствии с ГАТС, процесс передачи в частный сектор, автоматически означающий и передачу в сферу требований ГАТС тех или иных видов деятельности, станет необратимым. Повернуть его вспять чревато жёсткими и неотвратимыми санкциями со стороны трибунала ВТО. Например, уже стало бы невозможно свободно «размахивать пашкой» и грозить в адрес ТНК санкциями, как это делал известный PR-эколог О. Митволь в районе месторождения «Сахалин-2», поскольку в случае принятия ГАТС, на защиту ТНК против таких «нетарифных ограничений» как требования охраны природы, станет вся судебная машина ВТО!

Водный Кодекс РФ далеко не исчерпывают список российских законодательных актов и других имеющих отношение к теме документов, содержание которых подвергается воздейст-

вию в случае вступления России в ВТО. Даже в области охраны окружающей среды список таких документов очень широк.

Анализ воздействия требований ГАТС, а также предложений, выдвинутых в переговорном процессе «Раунда Доха» в секторе водоснабжения и водоотведения (т.е. в сфере обеспечения Прав человека на воду), возможен при включении в рассмотрение таких законодательных документов, как: Налоговый Кодекс РФ; ФЗ «О концессионных соглашениях»; ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»; ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»; ФЗ «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса», и т.д.

В принятии Водного кодекса РФ, включении в него требований ВТО, отвергнутых другими странами, ключевую роль сыграл Проект: «Реформирование водного законодательства РФ», результаты которого фактически определили содержание и характер Кодекса, «гармонизировали» его с требованиями ГАТС/ВТО. Проект был инициирован Администрацией Президента РФ и выполнен Правительством Дании, предоставившей от имени Евросоюза финансовые средства на реализацию Проекта [1].

Непосредственный исполнитель работ – бельгийская фирма Milieu Ltd. [69] в период реализации Проекта выполнила следующие работы:

– «подготовила предложения и приняла участие в обсуждении проекта нового Водного Кодекса РФ»;

– подготовила проекты федеральных законов – Технических Регламентов: «О водоснабжении»; «О водоотведении»; «О питьевой воде и питьевом водоснабжении». См. книгу: «Проект: «Реформирование водного законодательства РФ», Ред. Зиберов В.Е., 2005 г., а также отчёты фирмы Milieu Ltd. [1], [69].

Выполнение вышеуказанного Проекта пришлось на тот период, когда вариант Водного Кодекса, подготовленный в Минприроды России, был отклонён, а функции его разработчика переданы Минэкономразвития России.

В результате, в феврале 2004 г. в Правительстве РФ рассматривалась совершенно иная редакция проекта Водного Кодекса [70], которая затем была передана в Госдуму.

Основным элементом Проекта: «Реформирование водного законодательства РФ» являлось «обеспечение соответствия российского водного законодательства торговым принципам и требованиям ГАТС/ВТО» [69]. Фирма Milieu Ltd. уделяла особое внимание такой направленности Проекта. Она откровенно признавала, что её конечная цель в Проекте – не только привести российское водное законодательство в соответствие с торговыми принципами ВТО, но и помочь «протокнуть» разработанные в рамках Проекта и отвечающие требованиям ГАТС законопроекты в российском Парламенте, а также помочь в их дальнейшей реализации. К настоящему времени эта цель почти достигнута. Принят Водный Кодекс РФ, с изменениями, отражающими интересы Евросоюза и стоящих за ним ТНК; проекты других важных законодательных документов (Технических Регламентов), разработанных в рамках Проекта, находятся на рассмотрении в разных инстанциях. Цель их разработки – заменить «строгие» нормы предельно допустимых концентраций загрязнения (ПДК) и предельно допустимых сбросов загрязнения (ПДС) на «экономически реальные и экологически оправданные мероприятия» в водном хозяйстве [69].

Следует подчеркнуть, что внедрение системы Технических Регламентов тесно связано с «встраиванием» водного сектора России в систему ГАТС/ВТО. Принятие Регламентов удовлетворяет общему требованию Статьи VI ГАТС в том, что национальные «процедуры» и «технические стандарты» не должны быть «более обременительными, чем это необходимо».

Однако не случайно это требование подверглось жёсткой критике и было отвергнуто в переговорном процессе «Раунда Доха». Его принятие, с одной стороны, может ущемлять суверенное право государства принимать меры по защите здоровья людей и окружающей среды, а с другой – предоставлять транснациональным корпорациям дополнительные преимущества в конкуренции на рынках этих стран.

Вышеуказанные опасения актуальны и для России. В кризисных условиях в водном секторе страны (отсутствие единой политики и острое недофинансирование) основным результатом принятия Регламентов может стать только улучшение условий для экспансии и доминирования западных компаний в российском природоресурсном секторе.

Ни система Регламентов, ни система ПДК/ПДС при отсутствии политической воли и соответствующего финансирования не способны решить водные и экологические проблемы страны.

Глава 3. Тупики «Водной стратегии РФ до 2020 года»

3.1. Расширение обслуживания сырьевого сектора – ключевой ущербный элемент Водной стратегии РФ до 2020 года

Одной из особенностей одобренной в августе 2009 г. «Водной стратегии РФ на период до 2020 года» является переориентация водохозяйственной деятельности в России на обслуживание сырьевого сектора. В основу такой переориентации заложены следующие фундаментальные установки Концепции социально-экономического развития России на период до 2020 года (Концепция 2020):

– Закрепление и расширение глобальных конкурентных преимуществ России в традиционных сферах (энергетика, транспорт, аграрный сектор, переработка природных ресурсов).

– Переход к новой модели пространственного развития российской экономики через создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий. Под «реализацией конкурентного потенциала территорий» Концепция 2020 подразумевает, прежде всего, активизацию поставок российского сырья, продукции зернового хозяйства и энергоресурсов за границу. Другими словами, в рамках этих направлений предполагается расширение производства (с целью экспорта) водоёмкой продукции. Обслуживание

этой деятельности, согласно Концепции 2020 и Водной стратегии РФ, станет приоритетной задачей водного хозяйства страны.

С обывательской точки зрения, на фоне широко распространённых алармистских заявлений о глобальной нехватке водных ресурсов, воинственно «передовой» подход «расширения торговли водоёмкой продукцией» привлекателен и как бы заслуживает поддержки: водообильная Россия, якобы, сможет повысить свою конкурентоспособность на мировом рынке водоёмкой продукции и внести существенный вклад в преодоление глобального водodefицита. Такое понимание роли водного хозяйства России, в действительности, основано на идее торговли «виртуальной водой»*, продвигаемой некоторыми зарубежными учёными при поддержке транснациональных корпораций.

В основу такой позиции заложены следующие утверждения [71]:

1. Доступные водные ресурсы в ближайшие десятилетия достигнут своего «потолка», что приведёт к острейшему глобальному водному кризису.

2. В условиях глобальной нехватки воды водообеспеченные страны окажутся в исключительно благоприятных условиях («аналогично благоденствию некоторых нынешних экспортёров нефти»), за счёт экспорта «водоёмкой продукции», т.е. продукции, для производства которой используются значительные объёмы воды. Более того, концепция торговли водоёмкой продукцией предполагает, что её реализация вносит вклад в устранение нехватки воды на национальном, региональном и глобальном уровнях.

3. Маловероятно, заявляют сторонники расширения торговли водоёмкой продукцией, что Россия сможет в течение двух-трёх десятилетий преодолеть научно-техническое отставание от развитых стран. Поэтому, применительно к водному сектору только эти страны будут способны продавать на мировом рынке

*Примечание: В данном случае «виртуальная вода» – это вода, используемая для производства поставляемой на экспорт продукции. В настоящей статье будет использоваться термин «водоёмкая продукция» или «условная» вода.

технологии, основанные «на использовании широкого спектра веществ «высокой химии» и управляющих информационно-вычислительных систем, обладать патентами, лицензиями, наука и прочей интеллектуальной собственностью, квалифицированными кадрами, передовыми высокоэффективными производствами».

4. По вышеуказанным причинам Россия, как водообеспеченная страна, с учётом своей технологической отсталости, должна целенаправленно развивать для поставок на мировой рынок производство такой продукции, как электроэнергия, чёрные и цветные металлы, химическое сырьё. Другими словами, мало того, что экономика РФ уже стала преобладающе сырьевой, теперь это положение предполагается закрепить под флагом расширения экспорта водоёмкой продукции.

5. Необходимо увеличить масштабы выращивания зерна (по ошибочному мнению авторов идеи торговли российской водоёмкой продукцией, зерновые являются одним из основных потребителей продукции водного сектора России), для целенаправленных поставок его на экспорт. Для обоснования этого подхода используются несостоятельные, на наш взгляд, ссылки на сельское хозяйство царской России.

Ниже будет показано, что вышеуказанная идея расширения торговли водоёмкой продукцией является бессмысленной и вредной. Будучи несостоятельной в научном отношении, она противоречит мировой практике. Неприемлема эта идея для России.

Для оценки масштаба проблемы приведены некоторые цифры водопотребления в мире и в России.

Самые последние и наиболее надёжные данные по водопотреблению в экономике приведены в Монографии «Водные ресурсы России и их использование», вышедшей в 2008г. под редакцией проф. И.А. Шикломанова – директора Государственного Гидрологического Института (ГГИ) Росгидромета [72]. ГГИ в течение 45 лет проводит для ЮНЕСКО исследования в этой области.

ЮНЕСКО и ГГИ пришли к выводу, что «возобновляемых ресурсов речного стока на Земле в целом вполне достаточно для удовлетворения нужд водопотребления на многие десятилетия и сотни лет». Возобновляемые водные ресурсы всех природно-экономических регионов мира оцениваются в 42780 куб. км/год, с потенциальной водообеспеченностью населения в 7600 куб. м/год на 1 жителя планеты. Такой, казалось бы, обнадеживающий вывод подтверждается и результатами расчётов водопотребления по разработанному в ГГИ Сценарию Устойчивого Развития (СУР), как следует из таблицы 1.

Таблица 1. Динамика водопотребления в мире по секторам экономики, км³ в год

Сектор экономики	1990 г.		2000 г.		2025 г.	
	Полное водопотр.	Безвозвр. водопотр.	Полное водопотр.	Безвозвр. водопотр.	Полное водопотр.	Безвозвр. водопотр.
Сельское хозяйство	2425 (70%)	1691 (93%)	2605 (69%)	1834 (93%)	2535 (69%)	1793 (91%)
Коммунальное водопотребление	305 (8,8%)	45 (2,5%)	384 (10%)	52,8 (2,7%)	456 (12,5%)	63 (3,2%)
Промышленность	735 (21,2%)	78,8 (4,3%)	776 (21%)	87,9 (4,5%)	673 (18,5%)	113 (5,74%)

Однако ЮНЕСКО и ГГИ предупреждают, что к 2025 году 40% населения Земли будет жить в регионах с катастрофически высокой нагрузкой на водные ресурсы. Проблема заключается в том, что ресурсы пресных вод на Земле распределены крайне неравномерно.

Что касается России [72], структура водопотребления в нашей стране отличается от мировой, как это следует из таблицы 2. Полное водопотребление в 2000 году в сельском хозяйстве РФ составило всего лишь 15,1%. Это связано с упадком орошаемого земледелия в РФ. Если в 1990 г. в стране было 6 млн. га орошаемых земель, то в 2010 г. их осталось только 600 тыс. га [73].

Уровень 1990 г., согласно Водной стратегии РФ, предполагается достигнуть только в 2020 году.

Таблица 2. Динамика полного водопотребления в России, км³ в год

Сектор экономики	2000 г.	2020 г.
Сельское хозяйство	10,0 (15,1%)	24,0 (34,5%)
Коммунальное водопотребление	14,0 (21,2%)	10,0 (14,5%)
Промышленность	42,0 (63,6%)	36,0 (51%)

При указанных в таблице 2 показателях водопотребления в сельском хозяйстве России становится бессмысленной задача Водной стратегии РФ об участии водного комплекса страны в активизации торговли зерновыми – основной водоёмкой продукции сельского хозяйства. Объёмы производства зерновых в РФ зависят, в основном, не от орошения, а от естественного увлажнения осадками (т.е. климатических факторов), а также от агрономических факторов.

Однако в надежде на возрождение российского орошаемого земледелия и с учётом положения дел в мире (как видно из Таблицы 1, доля потребления воды в сельском хозяйстве составляет около 70%), ниже будет рассмотрено воздействие активизации торговли основной водоёмкой продукцией (зерновыми) на ликвидацию нехватки воды и продовольствия в мире.

Проблема рассматривается в двух направлениях:

1. Оценка действительного воздействия торговли водоёмкой продукцией на водопользование и водопотребление в сельском хозяйстве. Эта тема актуальна для многих стран, особенно в свете нарастающей нехватки воды в мире и настойчивой политики стран по обеспечению своей продовольственной безопасности. В сельском хозяйстве экспорт водоёмкой продукции подразумевает, в том числе, экспорт условных (как говорят на Западе, «вир-

туальных») объёмов воды, используемой для производства сельскохозяйственной продукции (или же объёмов воды, которые импортёр вынужден использовать на производство указанной продукции в случае отсутствия импорта).

2. Указанная идея торговли водоёмкой продукцией также относится и к торговле этой продукцией, произведённой в различных отраслях промышленности. Что касается водоёмкой промышленной продукции, этот термин характеризует объёмы воды, использованные для производства конкретного конечного промышленного продукта.

3.2. Несущественная роль торговли водоёмкой продукцией в решении проблем нехватки воды и продовольствия

В этом параграфе представлены некоторые выводы по результатам зарубежных исследований, прежде всего, научно-исследовательских центров, работающих для Организации Объединённых Наций по вопросам продовольствия и сельского хозяйства (ФАО). Ключевыми такими центрами является Международный НИИ по управлению водными ресурсами (IWMI), Шри-Ланка и Международный НИИ политики в области продовольствия (IFPRI), расположен в Вашингтоне. Результаты этих исследований свидетельствуют о несущественной роли торговли водоёмкой продукцией в сельском хозяйстве с точки зрения экономики воды на национальном, региональном и глобальном уровне. *Зарубежные источники свидетельствуют о том, что нынешняя и будущая нехватка воды не являются решающим фактором для формирования экспортно-импортных потоков сельскохозяйственной продукции на мировом рынке.*

Приведённые ниже цифры дают некоторое представление об объёмах воды, необходимой для производства различной сельскохозяйственной продукции. В таблице 3 приведены данные Всемирного Совета по Воде [74].

Таблица 3. Объёмы воды, необходимой для производства с/х продукции (куб. м воды на производство 1 т продукции)

С/х продукция	Необходимые объёмы воды (куб. м воды на производство 1 т продукции)
Говядина	13500
Свинина	4600
Птица	4100
Соевые бобы	2750
Рис	1400
Пшеница	1160
Молоко	790

В таблице 4 приведены прогнозы Минсельхоза США [75], о торговле в 2008/2009 гг. основной водоёмкой продукцией (зерновые и мясная продукция).

Таблица 4. Торговля основной водоёмкой продукцией в 2008/2009 гг., млн. т

Основная водоёмкая продукция	Общее мировое производство	Глобальная торговля	Экспорт зерна из России (2009 г.)	Импорт мяса в Россию (2009 г.)
Зерновые	2,470	276	17*	
Мясная продукция (говядина, свинина, птица)	234	23		3,1**

Международный НИИ политики в области продовольствия (IFPRI), подготовивший по заказу ФАО прогнозные оценки производства зерновых в 2025 г., считает, что мировое производство зерновых в 2025 году по трём различным сценариям (модель IMPACT-WATER) [77] не превысит 2,5 млрд. тонн. Его объём

* **Примечание:** Прогнозируемое производство зерновых в России в 2009 г. – 105 млн. т.

** **Примечание:** Общее фактическое производство мяса и мясoproдуктов в России в 2007г. составило около 5 млн. т [76].

будет жёстко зависеть от капиталовложений в орошаемое земледелие, прежде всего, в развивающихся странах.

Международный исследовательский центр IWMI разработал методы определения водопотребления в сельском хозяйстве. Эти методы позволили выявить ключевое соотношение между потреблением воды на выращивание растений (эвапотранспирацией) и потреблением поливной воды. Созданный IWMI математический инструмент, использующий наиболее надёжные на сегодняшний день статистические данные ФАО, позволил оценить воздействие торговли водоёмкой продукцией в сельском хозяйстве на глобальное водопользование, выявить и количественно оценить потоки условной воды между странами-экспортёрами и импортёрами водоёмкой сельскохозяйственной продукции, оценить продуктивность воды в сельском хозяйстве. Потоки условной воды по всему миру были рассчитаны для базового 1995 года. При этом определено потребление условной воды экспортёрами, рассчитаны объёмы воды, «сэкономленные» импортёрами на национальном и глобальном уровне, получены количественные характеристики воздействия торговли условной водой на решение проблемы нехватки воды. Аналогичные расчёты и оценки были сделаны для периода 1980–2000 гг.; также разработан прогноз на 2025 год.

а) Некоторые выводы из мирового опыта торговли водоёмкой продукцией в сельском хозяйстве

Результаты расчётов по указанным методам ФАО свидетельствуют о том, что торговля водоёмкой продукцией уменьшает водопользование на двух уровнях: национальном и глобальном. В связи с тем, что для выращивания 1кг зерна, растению требуется от 500 до 4000 литров воды, страна существенно уменьшает объём водопользования посредством импорта продовольствия, вместо того, чтобы выращивать его у себя. На глобальном уровне экономия воды посредством торговли происходит тогда, когда производство зерна экспортёром более продуктивно с точки зрения использования воды, чем это осуществляется у импортёра. Торговля снижает поливное водопользование

в тех случаях, когда экспортер выращивает зерно в условиях естественного увлажнения осадками, в то время как импортер должен полагаться на орошаемое сельское хозяйство.

Далее исследователи ФАО анализируют вопрос: является ли существенной реальная экономия воды при торговле зерном? На первый взгляд, потенциал торговли для «экономии» воды – на национальном и глобальном уровне – является значительным. На национальном уровне все импортеры вместе «сэкономили» 433 км³ воды для растений и 178 км³ поливной воды посредством импорта зерновых, что необходимо было потратить, если выращивать это зерно у себя. На глобальном уровне, торговля зерновыми уменьшила водопотребление на 164 км³ воды для растений (эвапотранспирацию), и на 112 км³ – потребление воды в орошаемой земледелии. Другими словами, без торговли потребление воды на нужды растений и потребление поливной воды для злаков было бы выше на 6% и на 11%, соответственно. Также, учитывая ожидаемый рост объемов торговли, является вероятным, что эти объемы увеличатся в предстоящие десятилетия. Основываясь на прогнозах торговли, сделанных рядом исследователей [77], и результаты исследований ФАО, также вероятно, что к 2025 г. торговля зерновыми может уменьшить объем поливной воды на 191 км³. Другими словами, без торговли потребление воды при орошении в 2025г. может быть выше на 19%.

Эти цифры, кратко изложенные в таблице 5, говорят о том, что торговля зерновыми «экономит» заметные объемы воды на национальном и глобальном уровне, что, вероятно, продолжится и в будущем. **Однако мнение, что торговля играет выдающуюся роль в сохранении глобальных вод, вводит в заблуждение.**

Таблица 5. Объем выращивания зерновых и глобальное водопользование, итоговые данные

1995 г.	Млн. тонн зерновых	Куб. км воды на эвапотранспирацию	Куб. км поливной воды
Глобальное производство	1724	2875	979
Общий объем торговли*	215		
Потребление воды экспортёрами		269	67
Вода, «сэкономленная» импортёрами		433	179
«Экономия» воды под воздействием торговли		164	112
Объём торговли, относящийся к нехватке воды	52	64	15
Прогнозы на 2025 г. , основанные на данных Монографии [77] Rosegrant М. и др.: “World Water and Food to 2025: dealing with scarcity”, 2002			
Глобальное производство	2615	2981	1013
Общий объем торговли*	343		
Потребление воды экспортёрами		337	64
Вода, «сэкономленная» импортёрами		695	256
«Экономия» воды под воздействием торговли		358	191
Объём торговли, относящийся к нехватке воды	130	128	24

Примечание: *Исключая торговлю внутри ЕС

Какова же реальная и условная экономия воды? Позитивное влияние торговли на глобальное водопользование (или на «экономию») происходит по двум причинам.

1) Важнейшие экспортеры более эффективно используют воду в растениеводстве, чем важнейшие импортеры; 2) Важнейшие экспортеры выращивают зерно в более продуктивных условиях естественного увлажнения осадками, в то время как большинство импортеров вынуждено полагаться, по меньшей мере, частично, на орошение.

Хотя у торговли имеется потенциал для снижения водопотребления на глобальном уровне, но было бы неправильным уравнивать «условные» потоки с «реальной» экономией воды. ФАО считает, что необходимо учитывать следующие особенности:

1. Уменьшение глобального водопотребления в связи с торговлей зависит от различий в продуктивности между импортерами и экспортерами, а не от проблем, связанных с нехваткой воды. Такое уменьшение глобального водопотребления является непроизвольным «побочным продуктом», или позитивным внешним фактором международной торговли сельскохозяйственной продукцией.

2. Торговля развивается сейчас, и будет продолжать развиваться под воздействием факторов, не имеющих отношения к воде. В настоящее время менее четверти объема торговли зерновыми осуществляется посредством поставок продукции из районов с избытком воды в районы с нехваткой воды. Несмотря на прогнозируемое увеличение глобальной нехватки воды в предстоящие 30 лет [77], [72], итоги анализа, проведенного IWMI и IFPRI – признанными исследовательскими центрами, работающими для ФАО, четко свидетельствуют о следующем. *В 2025г. более чем 60% торговли зерновыми будет осуществляться по причинам, не имеющим отношения к проблемам воды.*

3. В тех случаях, когда торговля осуществляется из-за проблем, относящихся к нехватке воды, у стран-импортеров часто мало других альтернатив, кроме импорта. Поэтому вводят в заблуждение утверждения, что Египет (например), "экономит" воду на импорте зерна. Главной причиной этого является то, что у египтян просто нет этих водных ресурсов, и если

уменьшать импорт продовольствия, это будет означать голод и сокращение числа египтян, т.е. депопуляцию страны.

4. Там, где водная продуктивность невысока, страны-импортеры, испытывающие нехватку воды, все чаще будут стоять перед выбором между увеличением импорта или потребностью развивать водопользование более продуктивно. В большинстве стран-импортеров остаются еще большие возможности для рационального использования и охраны водных ресурсов с целью использования «каждой капли для урожая» ("crop per drop").

5. Повышение продуктивности земель в районах орошаемого и богарного земледелия может играть более значимую роль в решении проблем рационального использования и охраны вод, по сравнению с торговлей. Например, как показывают прогнозы IWMI по глобальному водопользованию [78], улучшение в использовании соотношения "crop per drop" снижает глобальное водопользование на 1 205 км³ за период 1995–2025 гг., по сравнению с 355 км³, которые экономятся в результате развития торговли водоемкой сельскохозяйственной продукцией. Прогнозы других исследователей [79], дают похожие результаты.

6. Необходимо устанавливать четкое различие между атмосферными осадками и ирригационной водой, используемыми при выращивании сельскохозяйственных культур. В глобальном производстве зерновых основная часть воды, используемой для выращивания растений, представляет собой эффективные осадки (66%), в то время, как только 34% составляют воды, поданные через ирригацию. «Экономия» на местах в результате атмосферного увлажнения не может быть автоматически использована для нужд других водопотребителей, кроме потребностей диких растений или других видов растений, выращиваемых в условиях атмосферного увлажнения осадками. Только в тех случаях, когда торговля приводит к уменьшению использования ирригационной воды, правомерно говорить о «реальной» экономии воды. Кроме того, с экологической точки зрения такая экономия ирригационной воды не всегда полезна. Гло-

бальная экономия ирригационной воды при торговле может достигаться за счет ухудшения состояния природной среды в странах, использующих только атмосферные осадки для выращивания сельскохозяйственных культур.

7. Уменьшение объемов водопользования может быть полезным только тогда, если «сэкономленная» вода может быть использована на другие нужды (включая природоохранные цели). Например, уменьшение объемов водопользования не всегда может быть полезным в районах выращивания риса в Азии в период муссонов. Такие факторы, как обильные дожди, связанные с ними сезонные паводки, на фоне существующего неразвитого в регионе потенциала аккумуляции воды в водохранилищах не дают возможности использовать воду для других нужд, которая могла бы быть «сэкономлена» посредством импорта риса вместо того, чтобы выращивать его в стране-импортере.

8. В процессе исследований, проведенных IWMI, IFPRI, рядом других центров и учёных, не получило подтверждения то, что страны сознательно использовали торговлю в качестве инструмента для сохранения своих водных ресурсов, как неотъемлемого компонента окружающей среды. Это связано, прежде всего, с тем, что политические факторы, определяющие продовольственную безопасность страны, перевешивали соображения качества природопользования.

9. Многие исследователи считают, что мировая торговля продовольствием может быть использована как активный политический инструмент для уменьшения нехватки воды на местном и региональном уровнях. Вместо того чтобы прилагать усилия для самообеспечения продовольствием, часто страны, испытывающие нехватку воды, импортируют продовольствие из стран, у которых имеется избыток воды. Такой подход поощряется сторонниками торговли водоёмкой продукцией. Однако **эффективным, но неубедительным** является аргумент, что торговля водоёмкой продукцией представляет собой ответ на нехватку воды и дальнейшую деградацию окружающей среды. Так утверждает, например, автор термина «виртуальная

вода» английский учёный Allan J. в своей работе: «Виртуальная вода – экономически неощутимое и политически безмолвное средство – путь для решения стратегических водных проблем» [80].

В этом утверждении не учитываются многие другие факторы, определяющие жизнеспособность стран. Например, рассмотренный в предыдущем Разделе процесс переговоров ВТО в рамках «Раунда Доха» и их провал наглядно проиллюстрировали огромные экономические и политические интересы, которые находятся в сфере торговли сельскохозяйственной продукцией. **Поэтому маловероятным является предположение, что страны будут менять свою торговую политику из-за возникающих глобальных проблем нехватки воды.** Перевешивают ли выгоды от уменьшения давления на водные ресурсы то возможное негативное воздействие, которое оказывает импорт на национальную сельскую экономику и на продовольственную безопасность, особенно бедных стран, уязвимых к колебаниям цен на мировых рынках? На эти два вопроса в международных исследованиях до сих пор нет никакого ответа, хотя провал «Раунда Доха» даёт на них негативный ответ. **Не оправдались расчёты инициаторов торговли водоёмкой продукцией, что заключение соглашения ВТО по либерализации торговли в области сельского хозяйства позволит удвоить торговлю водоёмкой продукцией [74].**

У стран Ближнего Востока, с исключительно острой нехваткой воды нет иного выхода, как импортировать продовольствие. Другие страны, стоящие перед выбором между усиленным давлением на водные ресурсы (т.е. необходимостью развивать водохозяйственный комплекс), и импортом, часто очень негативно относятся к зависимости от импорта для удовлетворения основных потребностей в продовольствии. **Всемирный Совет по Воды, WWC [74] подчёркивает, что «долгосрочные требования продовольственной безопасности и необходимость предотвращения геополитической зависимости требует от стран с большим населением осуществлять крупномасштабные инфраструктурные проекты для увеличения возможности про-**

изводства продовольствия». В качестве примеров такой разумной политики WWC приводит опыт Китая и Индии, для которых – с их огромным, растущим населением и усиливающимися водохозяйственными проблемами, самообеспечение продовольствием является национальным приоритетом. Именно эти причины, по мнению WWC, лежат в основе огромных капиталовложений Китая в реализацию проекта переброски стока «Юг–Север» (см. ниже).

Более того, остается открытым вопрос, а является ли приемлемым импорт водоёмкой продукции для стран, в наибольшей степени страдающих от нехватки воды?

б) Ключевые проблемы водопотребления в сельском хозяйстве, выявленные ФАО

В исследованиях IWMI, IFPRI и других международных центров особое внимание обращается на значение водной продуктивности. До настоящего времени оценки водной продуктивности и меры, относящиеся к эффективности водопользования, очень различно трактовались в различных источниках, а базы данных были очень скромными. Указанные научные центры пока не проводили глубоких исследований по этой важной проблеме. Для оценки урожайности и показателей отношения объема воды, поданной на орошение, полезно использованной растениями, к общему объему использованной ирригационной воды (effective efficiency), а также данные по осадкам и по транспирации растений, IWMI и IFPRI брали из своих более ранних публикаций [77], [78] и из Атласа «IWMI Water and Climate Atlas». Учитывая то, что надежные оценки являются весьма необходимыми и важными для выявления истины в дискуссиях по актуальным проблемам глобального водопользования, то вопрос оценки водной продуктивности всё ещё ждёт специальных исследований.

В проводимые на международном уровне исследования включаются только зерновые, поскольку надежные данные по двусторонним торговым потокам, предоставленные FAOstat, не включают другие сельскохозяйственные культуры. Зерновые

могут стать адекватным индикатором производства продовольствия и торговли в регионе Азии, но они не являются репрезентативными для Африки, где корнеплоды обеспечивают значительную часть основного продукта. Более того, в связи с тем, что в исследования включаются только зерновые, то некоторые страны могут быть изображены как импортеры водоёмкой продукции, хотя на самом деле, они являются чистыми экспортерами условной воды. Например, Бразилия является важнейшим импортером зерновых, однако количество экспортируемых ею соебобов превышает импорт зерновых. Если включить производство соебобов в уравнение водопользования, то Бразилия станет чистым экспортером воды. Когда появятся надежные глобальные данные о двусторонних торговых потоках в сельском хозяйстве, естественно, тогда появятся возможности для более надёжных исследований.

в) Некоторые аспекты торговли водоёмкой с/х продукцией в условиях царской России и современной РФ

Что касается России, едва ли в мире найдётся добросовестный исследователь, способный с точки зрения здравого смысла обосновать целесообразность и разумность сельскохозяйственной политики, проводимой в нашей стране. Невозможно, исходя из опыта и практики других стран, и руководствуясь государственными интересами России, ответить на следующий вопрос: почему реализуется курс на активное наращивание экспорта продукции зернового хозяйства, в то время как ежегодно расходуются огромные средства на импорт продовольствия (36 млрд. долл.), основанного на зерновом хозяйстве? В условиях утраченной продовольственной безопасности не отвечает интересам страны принятая в Концепции социально-экономического развития страны до 2020 года и продублированная в Водной стратегии РФ, стратегия увеличения производства зерна целенаправленно на экспорт. ***Довести в ближайшие годы экспорт зерна до 50 млн. тн (при ежегодном выращивании***

зерновых в пределах 90–110 млн. тн) – такая цель сейчас усиленно продвигается на разных уровнях.*

Примечательно, что эта цель зиждется на той же необоснованной концепции торговли водоёмкой продукцией. **В обоснование такой политики расширения экспорта зерна, как уже отмечалось, приводится опыт царской России.** Однако материалы дореволюционного периода свидетельствуют о неправомерности такой аргументации, поскольку экспорт хлеба осуществлялся в то время, когда основная часть россиян недоедала, народ, в целом, влачил жалкое существование. В конце XIX века Россия производила на душу населения только $\frac{3}{4}$ зерна, необходимого для полноценного питания её жителей [81]. В 1900 году 30% крестьянских хозяйств были безлошадными, 43% имели только одну лошадь. В 1910 году две трети всех используемых плугов были деревянными. Положение России было особенно удручающим на фоне аграрного производства в Западной Европе. В 1900 г. русские крестьяне использовали на одну десятину в среднем, 0,43 пуда удобрений, а крестьяне в Германии – 10,2 пуда [82].

Социально-экономическое положение крестьянства (75% населения страны) в предреволюционные годы было тяжёлым. Смертность населения была в два раза выше, по сравнению с США и Англией, особенно велика была детская смертность. Каждый третий ребёнок умирал до года. Продолжительность жизни была в 1,4 раза ниже, количество врачей в 10 раз меньше, в основном, они обслуживали правящий класс страны. Национальный доход составлял 12,2% от дохода США [83].

Кроме этого, качество питания было значительно хуже. По сравнению с США, российский житель в 1913 году потреблял в 2,7 раза меньше мяса, в 2,2 раза меньше молока, в 6 раз меньше фруктов, в 4,6 раза меньше сахара [84].

Почти такой же значительный разрыв в потреблении был и между царской Россией и СССР. В 1975 году в СССР потребля-

* **Примечание:** Этот ажиотаж несколько спал в связи с поразившей нашу страну засухой 2010 года

ли мяса больше в 1,97 раза, молока – в 2 раза, фруктов – в 3,4 раза, сахара – в 5 раз [85].

Валовой сбор зерновых в России в 1913 году составил 92,18 млн. тн.[86]. Из этого объёма было экспортировано 10,8 млн. тн зерна [87].

С учётом этих показателей нельзя приводить в качестве аргументации мировой рынок зерна того периода и зерновую политику царской России. У неё была совершенно другая структура внешней торговли (например, несопоставимая с современной структура и объёмы торговли сырьевыми и энергетическими ресурсами). В дореволюционный период одним из основных источников капиталовложений в промышленность были доходы от экспорта хлеба. Характерным является заявление, сделанное в 1891 году министром финансов России И.А. Вышнеградским: «Сами не будем есть, но будем вывозить» [88]. Это – весьма ёмкое заявление. В нём фактически сформулирована позиция: «Наш крестьянин нищий, но мы готовы сделать его ещё более нищим». В то же время следует подчеркнуть, что в этих эмоциональных и откровенных словах царского министра гораздо больше государственного начала, чем у иных высокопоставленных чиновников современной России. У И.А. Вышнеградского налицо стремление максимально использовать торговлю хлебом – валюты того времени, для развития промышленного производства.

Полным контрастом с этой позицией является равнодушие и отсутствие практических действий, направленных на решение кричащих проблем в сельском хозяйстве современной России. Например, фактически игнорируется опасное для России как суверенного государства обстоятельство, что в настоящее время из-за разрушения сельского хозяйства страна вынуждена тратить 36 млрд. долларов ежегодно на импорт продовольствия. Такое положение, недопустимое с точки зрения безопасности страны, **требует не целенаправленного выращивания зерна на экспорт, а срочных комплексных мер по спасению гибнущего села и ликвидации продовольственной зависимости, угрожающей самому существованию страны.**

В России имеются глубокие научные проработки и предложения, реализация которых позволила бы стране возродиться. Одно из них, например, кратко изложено в статье М.Я. Лемешева «На хилых ножках Буша», газета «Советская Россия», 2 апреля 2009 г. [89].

Очевидно, что сразу отказаться от импорта продовольствия страна не может. Но постепенно от такой искусственно созданной ситуации необходимо избавляться. В первый же год стоит освободиться хотя бы от 20% гигантских расходов на импорт в объёме 36 млрд. долларов. Сэкономленные таким путём 240 млрд. рублей, могут быть направлены на развитие отечественного АПК.

На средства, полученные от сокращения годового импорта, можно построить 3000 км. сельских дорог, 30 тысяч жилых домов, 12 тысяч школ, библиотек, клубов, поликлиник, здравпунктов, приобрести 120 тысяч тракторов, 20 тысяч комбайнов.

Уже первая такая созидательная акция явится серьёзным началом на пути к оздоровлению экономической и социальной жизни на селе.

Следует подчеркнуть, что сокращение импорта на 20% не ухудшит снабжения населения страны, поскольку в структуре ввозимых товаров большую часть составляют алкоголь, низкокачественные кондитерские изделия и другие продукты не первой необходимости.

Перераспределение ресурсов, идущих на закупку продовольствия, в пользу отечественного АПК, в последующие 4 года высвободит ещё около 30 млрд. долларов (примерно 250 млрд. рублей в год). Кроме этих средств должно осуществляться основательное ежегодное финансирование АПК из консолидированного бюджета страны в размере не менее 1 триллиона рублей.

Итак, для возрождения АПК и спасения гибнущего села в предстоящие 5 лет необходимо ассигновать по 1,2–1,3 триллиона рублей ежегодно, что составит около 20% расходной части бюджета страны. Полнокровное финансирование этой сферы экономической и социальной жизни России – это не «чёрная дыра», как утверждают невежественные люди, а высокоэффектив-

ное вложение капитала. Если в США мотором развития экономики считается автомобилестроение, то в России таким мотором, несомненно, может и должен стать АПК.

В проекте Концепции федеральной целевой программы «Развитие мелиорации сельскохозяйственных земель России на период до 2020 года», разработанной учёными Российской академии сельскохозяйственных наук (2009 г.), по решению Коллегии Минсельхоза России от 26 августа 2008 г., рассмотрены три варианта обеспечения продовольственной безопасности России. Все эти варианты предусматривают восстановление и развитие мелиоративного комплекса страны, и увеличение за счёт этого производства сельскохозяйственной продукции. Разработана также стратегия перевода АПК страны на путь устойчивого развития. Для достижения поставленной цели площади мелиорированных земель должны возрасти к 2020 году до 11,8–12,8 млн. га, а к 2025 году – до 18 млн.га. Выполнение работ по орошению и осушению сельскохозяйственных угодий обеспечивает прирост валового производства сельскохозяйственной продукции, обеспечит налоговые поступления в бюджеты всех уровней, увеличение рабочих мест, занятость на реконструкции существующих мелиоративных систем и в новом строительстве в этой области. Определены реальные источники и объёмы финансирования, которое на период 2011–2015 гг. должно составить 537–747 млрд. рублей по реальным вариантам.

В государстве и обществе необходимо изменить отношение к мелиорации и особенно к орошению. Необходимо рассматривать мелиорацию как одно из важнейших средств коренного подъёма сельскохозяйственного производства. Должна быть воссоздана разрушенная подотрасль сельского хозяйства – мелиорация. Необходимо сконцентрировать водные ресурсы страны в руках одного хозяина – Министерства водного хозяйства.

3.3. Неприемлемость Концепции 2020 и Водной стратегии РФ до 2020 г. о торговле водоёмкой продукцией как ключевой задаче водного хозяйства

а) Мифы «инновационной направленности» и «мирового лидерства» Концепции 2020 и Водной стратегии РФ до 2020 г.

Выше представлены конкретные доказательства объективно несущественной роли торговли водоёмкой продукцией в решении проблем нехватки воды и продовольствия. Эти доказательства взяты из наиболее надёжных на сегодняшний день источников: исследовательских учреждений системы ООН.

Торговля в сельском хозяйстве развивается сейчас, и будет далее развиваться под воздействием факторов, не имеющих отношения к воде. Опыт сельского хозяйства – основного потребителя воды, подтверждает, что у водного сектора страны имеются свои специфические функции и цели, которые не связаны с торговлей. Поэтому являются искусственными, некомпетентными и, судя по Водной стратегии РФ, небескорыстными попытки через идею активизации торговли водоёмкой продукцией «привязать» к этой торговле цели и задачи водного хозяйства страны.

Важно также рассмотреть положение дел с торговлей водоёмкой продукцией в промышленности – втором по объёму в мире (после сельского хозяйства) потребителем воды. Напомним, что в 2000 году на долю сельского хозяйства приходилось около 70% от общего водопотребления, а на долю промышленности – около 20% (средние данные по миру).

Что представляет собой торговля водоёмкой продукцией в промышленности? Кому выгодна такая торговля? Каково должно быть место водного хозяйства России в этой торговле?

Ниже затронуты некоторые положения принятой Водной стратегии РФ, относящиеся к развитию водоресурсного потенциала страны. Следует подчеркнуть, что **Водная стратегия РФ**

не сориентирована на использование уникальных особенностей водного хозяйства – обслуживание общегосударственных нужд и потребностей России. Одной из таких ключевых потребностей, как уже отмечалось, является развитие орошаемого земледелия, обеспечивающего в условиях России, её продовольственную независимость и безопасность. Аналогично велика роль водного хозяйства страны и в решении проблем обеспечения водой населения, промышленности, решении проблем окружающей среды, транспорта, и т.д. Вместо реализации этого потенциала Стратегией определена установка на «реализацию конкурентных преимуществ российского водоресурсного потенциала» и занятие Россией лидирующих позиций в этой области. Рассмотрим более конкретно недостатки такого изменения роли водного хозяйства России.

В утверждённой Водной стратегии РФ указано, что она разработана в целях водоресурсного обеспечения реализации Концепции социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (Концепция 2020). Но ни Концепция 2020, ни Водная стратегия РФ не предлагают реальных, обоснованных мер по достижению сформулированных стратегических целей водохозяйственного комплекса страны.

Например, предполагается приоритетное обеспечение населения РФ качественной питьевой водой, при этом, механизмом реализации этой задачи должна стать Программа «Чистая вода». Однако её будущее покрыто туманом. Известно [90], что в 2009 г. запланированное финансирование Программы было урезано в 11 раз (с 7,4 млрд. рублей до 647 млн. рублей). Это означает, что не будет решена эта важнейшая для любой страны задача.*

*Примечание: На Международном форуме «Чистая вода» (Москва, 20-23 октября 2010г.) председатель правительства РФ В.В. Путин пообещал, что в 2011-2013г.г. на реализацию Программы будет выделено 9млрд. руб.

В Стратегии отсутствует обоснование утверждения, что её реализация создаст условия для гармоничного социально-экономического развития регионов. Такое обоснование отсутствует и в Концепции 2020, на которую ссылается Стратегия. Тем более отсутствуют реальные меры в направле-

нии такого развития. Вместо этого заложена ориентация на освоение сырьевых и топливно-энергетических ресурсов страны, целенаправленно на экспорт. В частности, продвигается идея формирования сырьевых кластеров, разрушительная для российской экономики, принятая «на веру» российским руководством от иностранных консультантов. Эта идея в своей основе предполагает ключевую роль частного сектора (в том числе, иностранного) в эксплуатации природных ресурсов России, с целью их экспорта. Сырьевая ориентация экономики является тупиковой и опасной для России – об этом знает и говорит всё общество – от президента страны до школьника пятого класса. Трагедия на Саяно-Шушенской ГЭС наглядно и масштабно подтвердила пагубность такой политики. Уже для всех очевидно, что коренные причины этой трагедии заключаются в безнравственной, алчной «погоне за природной рентой» (термин ООН) при эксплуатации природных богатств России.

В России приняли «на веру» идею сырьевых кластеров, несмотря на то, что в мире отсутствует согласованная концепция кластеров. Такая неопределённость не помешала этой идее стать основой Концепции 2020, продублированной в Водной стратегии РФ.

Необоснованными являются предположения Водной стратегии РФ о приоритетном «содействии инновациям, обеспечивающим ресурсосбережения». Невозможно решить эту задачу, когда, например, в концепции Программы «Чистая вода» (основной механизм технологического прорыва, согласно Водной стратегии) работы по развитию российских технологий и оборудования в секторе водоснабжения и водоотведения (в мире это сейчас наиболее технологически востребованная сфера водного хозяйства) отодвинуты на третий, завершающий этап выполнения Программы – после 2015 года. Тем более, эта задача нерешаемая из-за фактического прекращения её финансирования (см. выше).

Нереальность намерений решать эту задачу становится особенно очевидной на фоне значительных мер, принимаемых другими странами в этой области. Например, в США под патрона-

жем президента страны, совместными усилиями 11 основных министерств и ведомств в 2007 году была разработана «Федеральная стратегия в области науки и технологий для решения проблем водообеспечения и качества воды в США» (“A Strategy for Federal Science and Technology to Support Water Availability and Quality in the United States”) [91]. Разработке этой Стратегии предшествовала огромная исследовательская работа по всей стране, результаты которой были широко распространены и обсуждались в среде учёных, специалистов и «гражданского общества». Всё это позволило выделить наиболее приоритетные направления в рассматриваемой области, создать необходимое материально-техническое, организационное, финансовое и кадровое обеспечение реализации Стратегии.

Аналогичная стратегия по внедрению новых технологий в водное хозяйство разработана в Китае, которая, после её утверждения Госсоветом КНР в 2005 г., была обеспечена финансированием в 20,47 млрд. долларов на период 2006–2010 гг. [19]*.

Сомнительна задача «формирования реальных предпосылок к реализации конкурентных преимуществ российского водоресурсного потенциала». По мнению авторов Стратегии, это позволит РФ «занять *лидирующие позиции* при решении вопросов использования, охраны и управления водными ресурсами посредством развития научно-технического, производственно-технологического потенциала, увеличения объёмов экспорта инновационных технологических решений в области водного хозяйства, современного оборудования, знаний, опыта создания и управления современными водохозяйственными системами».

Указанная амбициозная задача, судя по Водной стратегии, имеет тройную направленность:

1. Первое направление – увеличение экспорта инноваций, знаний и опыта в области водного хозяйства. Следует подчеркнуть, что в кризисных условиях в водном секторе России решение этой задачи проблематично. *Не может стать конкурен-*

* *Примечание:* Эти затраты соизмеримы с общими затратами в рамках Водной стратегии РФ на 10 лет.

тоспособным и лидирующим в мире водный сектор страны, который не является национальным приоритетом. Как следует из одобренной Водной стратегии РФ, в стране фактически свёрнуто развитие водохозяйственной инфраструктуры, в то время как в Китае, Индии, странах Европы и Америки осуществляются значительные капиталовложения в водохозяйственную деятельность, поддержание и развитие инфраструктуры. Как уже отмечалось, из 6 млн. га орошаемых земель сельскохозяйственного назначения, находившихся в эксплуатации в РСФСР в 1990 г., сейчас поливается только 600 тыс. га [73]. Согласно Водной стратегии РФ, уровень 1990 г. предполагается достигнуть только к 2020 г.

Показательно отношение к решению проблемы качества воды – ключевой проблемы водного сектора любой страны. В России, по оценке компетентного специалиста, бывшего руководителя Росводресурсов Р.З. Хамитова, потребляется всего 2% наличных водных ресурсов, но эти 2% губят оставшиеся 98% этих ресурсов [92]. В этой связи мизерные затраты на решение проблемы качества российских вод, на фоне огромных затрат на эти цели в других странах, никак не создают условия для повышения конкурентоспособности и достижения международного лидерства водного сектора нашей страны.

2. Вторую часть задачи повышения конкурентоспособности и достижения мирового лидерства предполагается решить в рамках второго этапа реализации Стратегии (2013–2020 гг.) путём «определения направлений практической реализации конкурентных преимуществ российского водоресурсного потенциала на внешних рынках». Председатель Госдумы РФ Б.В. Грызлов на IX съезде партии «Единая Россия» 14 апреля 2008 г. и на XII Петербургском международном экономическом форуме 7 июня 2008 г. разъяснил эту часть задачи: «Учитывая водные запасы России, надо налаживать экспорт питьевой воды», в частности, посредством строительства специальных экспортных водоводов и создания соответствующих экономических механизмов, таких как Водная биржа.

Однако, несмотря на кажущуюся ясность и целесообразность такой задачи, она не так безобидна и разумна. Кроме некомпетентности, в ней заложено такое же опасное для будущего водной отрасли, корыстное, потребительское отношение к воде, как и к сырьевым природным ресурсам России. Прimitивная идея «подзаработать» на поставках воды за границу, например, построив экспортные водоводы, организовав поставки бутилированной воды, несомненно, для отдельных «шустрых рук» могла бы стать весьма прибыльным бизнесом. Именно корыстью продиктовано обращение «эффективного собственника» О. Дерипаски в правительство РФ с просьбой разрешить дополнительно сбрасывать 0,5 м водной толщи озера Байкал для увеличения энергетической отдачи ГЭС на реке Ангаре, и без того прибыльно работающих на частный алюминиевый бизнес олигарха [93].

Однако следовало бы прислушаться к мнению умудрённых специалистов о малоперспективности и негативных экологических последствиях вышеуказанной политики. Вот что пишет всемирно известный гидролог, директор Государственного Гидрологического Института Росгидромета проф. И.А. Шикломанов [72]: «Использование в больших масштабах вековых запасов воды в озёрах малоперспективно, поскольку воды в пресных озёрах немного (примерно 91000 куб.км.) и распределены они крайне неравномерно и, в основном, не там, где есть дефицит пресной воды. Кроме того, использование вековых запасов воды в озёрах неизбежно приведёт к крайне неблагоприятным экологическим последствиям в результате снижения их уровня и угрозы ухудшения качества воды».

Значительная угроза от акцента на решение этой задачи заключается в том, что в условиях рыночных отношений, где главный критерий – прибыль, будет девальвироваться подход к воде как к общественному благу. В едином водохозяйственном комплексе страны неизбежно будет происходить переоценка приоритетов его развития в сторону наиболее прибыльных направлений, включая усиление роли ТНК в водообеспечении Рос-

сии. От этого, в конечном итоге, пострадает большинство граждан, экономика и природа России.

3. Однако самые разрушительные последствия для российского водного хозяйства может иметь его переориентация на обслуживание сырьевых отраслей страны в соответствии с установками Концепции 2020 (приведены в разделе 3.1). *Эти установки связаны с реализацией идеи расширения производства (целенаправленно – на экспорт) водоёмкой продукции (сырья и полуфабрикатов, продукции зернового хозяйства, гидроэнергии), а водному сектору – обслуживание этой деятельности. Такой акцент водохозяйственной деятельности на обслуживание экспортных видов сырья обеспечивает решение узкокорыстных задач частного олигархического капитала, а также псевдогосударственных структур, но никак не решение задач общегосударственного развития страны.*

В разделе 1.3 при рассмотрении невыгодности «частно-государственного партнёрства» в водной отрасли был приведён пример присвоения частной «империей» Дерипаски огромных прибылей в алюминиевой отрасли и гидроэнергетике.

Другим красноречивым примером ущерба стране от приватизации и либерализации в гидроэнергетике (как и электроэнергетике в целом) является создание на базе разрушенного Чубайсом РАО «ЕЭС России» частных и псевдогосударственных структур, которые в рамках внеправовых или откровенно коррупционных схем осуществляют экспорт российской электроэнергии. Экспорт осуществляется во исполнение установок Концепции 2020 и Водной стратегии РФ до 2020 г. о «закреплении и расширении глобальных конкурентных преимуществ России в традиционных сферах», т.е. через активизацию поставок за границу российского сырья, зерновых и энергоресурсов. Реализуя эти установки, отвергается мировой опыт в этой области, который неопровержимо свидетельствует о принципиальной ущербности для общества, экономики и безопасности страны от приватизации и либерализации деятельности в сфере энергетики. Исследования, выполненные многочисленными зарубежными научными центрами и авторитетными международными ор-

ганизациями, показывают, что такая политика несостоятельна с точки зрения получения выгод для экономики, социальной сферы и окружающей среды от капиталовложений в электроэнергетику, усилий по снижению цен, улучшению снабжения электроэнергией бедных слоёв населения.

К сожалению, Россия не пошла по пути, который предпочло подавляющее большинство стран (в том числе, экономически развитые страны), отказавшиеся в общегосударственных интересах от приватизации и либерализации в сфере электроэнергетики. Такая политика неизбежно активизировала негативные процессы в торговле электроэнергией с другими странами. *Главными пороками этого процесса являются погоня за наживой, стремление осуществлять экспорт любой ценой, вопреки объективно существующим и перспективным потребностям и возможностям российской электроэнергетики.* В результате, возникли перекосы в объёмах и ценах экспортируемой электроэнергии, создаются внеправовые схемы экспорта, навязываются стратегии развития электроэнергетики, нацеленные на экспорт, которые наносят ущерб общегосударственным интересам России. Подтверждением тому является фактическая переориентация электроэнергетики Дальнего Востока на удовлетворение нужд Китая и частных интересов некоторых групп в России, в ущерб населению, экономике и природе российского Дальнего Востока. *Погоня за прибылью любой ценой лежит в основе намерений РАО ЕЭС и его последователей активизировать экспорт электроэнергии в Китай.* Одним из примеров такого подхода является проект, инициированный Чубайсом на исходе своего распоряжения российской электроэнергетикой, о создании «Восточного кольца ЛЭП» (МГЭО «Россия–Китай»), соединяющего изолированную энергосистему Дальнего Востока с Восточной Сибирью через Китай [94]. Это позволило бы экспортировать электроэнергию в Китай, чьи потребности в российской электроэнергии оцениваются в 60 млрд.кВт-часов в год (по некоторым данным, до 80 млрд.кВт-часов). В настоящее время в ОАО ИнтерРАО ведётся проработка этого проекта [95]. Ответственные учёные и специалисты выступают

категорически против ущерба для России чубайсовского проекта экспорта в Китай. Например, д.э.н. А.В. Губенко (С-Петербург) и к.э.н. К.В. Татценко (Владивосток) в конце 2009 года представили детальные данные и расчёты того, что *в Объединённой Энергосистеме Востока России отсутствует «чистый» резерв мощности для выработки электроэнергии, которую можно было бы устойчиво поставлять в Китай [96]*. Это означает невозможность для Российской стороны (без ускоренного строительства новых мощностей) выполнять условия поставок электроэнергии в рамках подписанного Россией с Китаем 1 июля 2005 г. «Соглашения о долгосрочном сотрудничестве по привлечению финансовых ресурсов в строительство энергетических объектов и развитие сетевой инфраструктуры, обеспечивающей увеличение поставок электроэнергии и мощности между двумя государствами», а также предшествовавшего ему «Меморандума...» от 3 марта 2005 г. Реальные поставки электроэнергии в Китай с территории Дальневосточного региона осуществляются с 1992 года, однако с 2007 по 2009 г. они были заморожены из-за разногласий в цене. Продажа возобновилась с марта 2009г. по указанию В.В. Путина.*

* *Примечание:* По данным Федеральной Таможенной Службы РФ [97], в 1992-1994г.г. отсутствовал таможенный учёт экспорта электроэнергии в Китай. С 1995 по 2007г.г. она продавалась в Китай по цене от 20 до 67коп за 1 кВт-час. С марта 2007г. экспорт не осуществлялся, однако он возобновился с марта 2009г. по цене 1руб 18 коп за 1 кВт-час.

Анализ положения дел в электроэнергетике Дальнего Востока позволяет сделать следующие выводы:

1. Созданная в результате разрушения РАО ЕЭС России система энергоснабжения Дальнего Востока не направлена на приоритетное обеспечение потребностей социально-экономического развития и природоохраны в этом регионе. Более того, положение с энергообеспечением продолжает ухудшаться (несмотря на ввод в эксплуатацию Бурейской ГЭС), что неуклонно снижает качество жизни людей и природы в наиболее освоенных районах этого региона, активизируя тем самым, процессы миграции населения в западные районы России. Такое неблагоприятное, на

наш взгляд, является следствием ошибочной государственной политики и коррумпированности управления в сфере электроэнергетики Дальнего Востока. **Недостатки и пороки в этой сфере, связаны, прежде всего, с передачей в частную собственность ключевых сегментов электроэнергетики и отсутствием реального государственного контроля над экспортом электроэнергии в Китай.** Ничем иным как указанными недостатками и пороками нельзя объяснить, например, тот нетерпимый факт, что на территории Хабаровского края и Амурской области электроэнергия, поставляемая российским предприятиям, обходится им фактически в 10 раз дороже, чем китайским потребителям, которым она поставляется из этих же районов России. Указанное стало возможным, в частности, из-за того, что экспорт электроэнергии в Китай осуществлялся с территории Амурской области, в наименьшей степени обеспеченной генерирующими мощностями. Часть недостающей электроэнергии поставляется в эту область из соседних краёв и областей, причём, со значительными потерями в сетях. **Все потери и затраты в ходе транспортировки в Амурскую область недостающей электроэнергии (при её экспорте в Китай), оплачивает российский потребитель.**

Более того, по оценкам специалистов, поставки электроэнергии в Китай осуществляются в рамках сомнительных схем, обеспечивающих сверхприбыли для частных экспортёров, но наносящих огромный ущерб Дальнему Востоку и всей России.

2. Развитие энергетической отрасли с целью активизации экспорта электроэнергии из энергодефицитного региона Дальнего Востока в Китай является грубой стратегической ошибкой. Она усугубит социально-экономическое положение в регионе, ускорит деградацию окружающей среды в наиболее важных для нашей страны, освоенных районах в бассейне Амура, что, в конечном итоге, осложнит геополитические позиции России в этом регионе. Необходимы тщательные научно-исследовательские проработки по всему комплексу указанных вопросов, главной целью которых является выработка мер по обеспечению фундаментальных интересов России на Дальнем Востоке. В частности,

необходимы неотложные меры по устранению недостатков, выявленных при разработке «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» [98].

б) Проблемы водного хозяйства России через призму мирового опыта

Идея расширения торговли водоёмкой продукцией, продвигаемая в российских стратегических документах, уводит водный сектор от решения ключевых задач общегосударственного значения, таких как повышение водной продуктивности в сельском хозяйстве, промышленности и ЖКХ, борьба с загрязнением природной среды, внедрение экосистемного подхода. Именно эти задачи находятся в центре внимания водохозяйственных органов в других странах и деятельности соответствующих международных организаций, прежде всего, системы ООН.

Прямым указанием на тупиковый характер и неприемлемость акцента на развитие сырьевого сектора (обслуживаемого водохозяйственным комплексом), являются результаты глобальных оценок профессиональных организаций, таких как Организация Объединённых Наций по промышленному развитию (ЮНИДО).

Необходимость акцента водного хозяйства (в свете нарастающего водного кризиса) на решение таких ключевых общегосударственных задач, как повышение водной продуктивности и борьба с загрязнением природной среды подтверждается, например, в выводах принципиального доклада ЮНИДО: «Вода как сфера ответственности всего общества» (2005 г.) [99]. В докладе подчеркивается, что для большинства населения мира процветающая экономика и улучшение качества жизни тесно увязываются с улучшением доступа к потребительским товарам. Однако это часто происходит за счет увеличения объемов сбросов твердых отходов, ухудшения качества воды и атмосферного воздуха, что всё в большей степени тормозит развитие и ухудшает качество жизни. Анализируя вышеуказанные задачи, **ЮНИДО подчёркивает ключевую роль не торговли водоёмкой**

продукцией, а эффективного водопользования для экономического роста и улучшения качества жизни. Уже сейчас при соответствующем стимулировании можно сократить спрос на воду в промышленности от 40 до 90%.

Результаты исследований ФАО в этой области (как выше показано), также созвучны результатам ЮНИДО: повышение водной продуктивности (но отнюдь не торговля водоёмкой продукцией) признано наиболее приоритетным направлением исследований и практической деятельности в сельском хозяйстве.

Удручающими являются выводы ЮНИДО о водной продуктивности в РФ. Цифры, приведённые в вышеназванном докладе ЮНИДО, свидетельствуют о чрезвычайно низкой эффективности использования воды в промышленном и коммунальном секторе России. Это не позволяет стране не только приблизиться к показателям водопотребления в экономически развитых странах, но формирует мощный источник губительного воздействия на окружающую среду, в целом. Выше уже отмечалась тревожная информация бывшего Руководителя Росводресурсов Р.З. Хамитова о том, что в РФ потребляется всего 2% наличных водных ресурсов, но эти 2% губят оставшиеся 98% этих ресурсов [92]. **Другими словами, Россия, при обилии природной воды, в то же время испытывает ее нехватку для обеспечения благополучия человека, экономики и окружающей среды. Именно здесь, а не в активизации торговли водоёмкой продукцией, находятся приоритетные направления Водной стратегии РФ!**

В свете таких выводов и рекомендаций признанных международных центров становится очевидной бессмысленность и вредность запланированных в Водной стратегии РФ «исследований условий реализации конкретных преимуществ водоресурсного потенциала РФ, анализ возможности размещения водоёмких производств на территории страны, определения направлений участия страны в формировании мирового водного рынка». **Зачем тратить и без того скудные средства на то, что не является существенным для социально-экономического раз-**

вития страны, направляющим водохозяйственную науку и практику по ложному пути?

В отношении торговли водоёмкой промышленной продукцией указанный доклад ЮНИДО приходит к выводу, что «в регионах с нехваткой воды имеет смысл сконцентрироваться на производстве промышленной продукции, которая потребляет мало воды, при этом, экспортировать следует только ту продукцию, которая имеет высокую водную продуктивность. И, наоборот, водоёмкая продукция, и продукция с низкой водной продуктивностью, такая как продукция алюминиевой промышленности и производства пива, должна импортироваться в регионы, испытывающие нехватку воды, поскольку такой подход формирует путь непрямого импорта воды». Вполне разумный, прагматичный вывод.

Но ЮНИДО рассматривает указанную роль водоёмкой продукции только как один из элементов (причем, несущественный) стратегии повышения водной продуктивности и сокращения загрязнения водных ресурсов. Важнейшими элементами такой стратегии считаются: водный аудит производственных процессов, обеспечение соответствия качества воды требованиям производственного процесса, повторное использование вод, оптимизация первичного ресурсного вклада (сырья, воды и энергии) в производственный процесс с целью снижения производства отходов, применение экономически приемлемых технологий, и т.д.

В другом своем принципиальном докладе [100] «*Как выбраться из трясины отсталости: новые вызовы и задачи в промышленном секторе наиболее отсталого в экономическом отношении миллиарда человечества («миллиарда на дне») и стран со средним доходом», 2009 г.*, ЮНИДО анализирует последствия ориентации стран на добычу и торговлю минеральными ресурсами. Очень актуальная проблема, как для России, в целом, так и для её водного хозяйства. На примерах различных стран ЮНИДО показывает, что сырьевая ориентация страны лишает ее возможности преодолеть отсталость и перейти на путь развития. **Таким образом, подтверждается бессмысленность и ущерб-**

ность идеи расширения торговли водоёмкой продукцией в сырьевых отраслях, суть которой фактически заключается в переориентации водного хозяйства страны на обслуживание экспорта сырья.

Авторы Водной стратегии РФ, внедряя в водное хозяйство страны активизацию торговли водоёмкой продукцией, не приняли во внимание результаты экономических исследований, отечественный и зарубежный опыт. Они просто ссылаются на Концепцию социально-экономического развития РФ до 2020 г. (Концепция 2020), положения которой подверглись обоснованной, уничтожающей критике ведущими российскими учёными и специалистами. Такая критика отражена, например, в докладе Института экономики РАН «О перспективах России на 2008–2016 гг. (2008 г.) [101]; материалах Круглого стола по оценке проекта Концепции 2020, проведённого в Минэкономразвития России в сентябре 2008 г. [102]; материалах Конференции: «Институциональные предпосылки инновационного развития России», организованной рядом ключевых российских НИУ в октябре 2008 г. [103], и многих других. В этой связи следует выделить два, на наш взгляд, ключевых мнения, относящихся к Концепции 2020.

1. «От её правильности и реалистичности зависит многое, вплоть до того, останется ли вообще имя «Россия» на карте мира к середине XXI века» [104].

2. «В ходе обсуждения Концепции 2020 эксперты сошлись во мнении, что стратегической целью государства должно быть не глобальное лидерство по всем показателям, а стабильный рост благосостояния граждан и, как следствие, положительная динамика национальной экономики. А лидирующие позиции в мире стоит рассматривать лишь как результат максимально благоприятных условий ведения бизнеса в России и полного раскрытия его потенциала» – итоговые замечания Института финансовых исследований по результатам Круглого стола в Минэкономразвития России, 16 сентября 2008 г. [105].

При таких характеристиках Концепции 2020 требовалось не только тщательное научное обоснование, но и особая щепетильность, а также, следует подчеркнуть, ответственная гражданская позиция учёных и специалистов для того, чтобы избежать включения в Водную стратегию РФ положений, направляющих водный комплекс страны по ложному пути, во вред общегосударственным интересам России. К сожалению, такой подход не был применён при разработке Водной стратегии РФ.

Что касается торговли водоёмкой продукцией, необходимо было тщательно проанализировать зарубежный опыт в этой области. В частности, *сейчас на водное хозяйство всё большее воздействие оказывают процессы глобализации.* В рамках этого процесса торговле водоёмкой продукцией уделяется большое внимание. *Реализация этой идеи прямо отвечает интересам иностранных и российских транснациональных корпораций, в ущерб подавляющему большинству водопотребителей. Она направлена на подрыв суверенитета стран на национальные водные ресурсы (как выше показано), разрушает принятый мировым сообществом бассейновый подход в управлении водными ресурсами.* Такие попытки предпринимаются, например, в установочном докладе: “Water scarcity and international trade: The need to extend the scope of water resources management” («Нехватка воды и международная торговля: Необходимость расширения масштаба управления водными ресурсами»), подготовленном группой авторов во главе с инициатором активизации торговли водоёмкой продукцией А. Ноекстра [106]. В докладе игнорируются результаты компетентных исследований и мировая практика торговли продовольствием. Безосновательно утверждается, что далеко не всегда эффективным является управление (management) водными ресурсами в масштабах речных бассейнов и что многие из современных, казалось бы, водных проблем местного значения, на самом деле, являются субконтинентальными или даже глобальными проблемами. *Поэтому бассейновый подход «уже не годится», а нужно «руководство водными ресурсами» в региональном и глобальном масштабе, включая*

изменение существующих правовых основ и создание соответствующих наднациональных управленческих структур. Эти предложения опираются на установки вышеупомянутого «Вашингтонского консенсуса», в соответствии с которыми вода из категории «общественного блага» переводится в категорию товара, подчиняющегося общим принципам рыночных отношений и глобализации (приватизация и либерализация торговли, уменьшение роли государства). Подробно недостатки теории и практики этого вопроса рассматриваются в разных зарубежных исследованиях. Следует ещё раз отметить выводы на эту тему, содержащиеся в книге: “An Uncooperative Commodity: Privatizing Water in England and Wales” («Несовместимый с рынком основной продукт: Приватизация воды в Англии и Уэльсе»), автор К. Bakker, Oxford University Press, 2003 [18]. Применительно к водному хозяйству главными из этих принципов являются: “equity” – экономическая целесообразность (вместо применявшегося ранее принципа «социальной справедливости»), и “efficiency” – повышение продуктивности и прибыльности в водопользовании. Не вдаваясь в подробности предлагаемого подхода (это – тема отдельного исследования), считаем важным следующее:

а) Принцип «руководства» водой активно продвигается международной организацией «Глобальное Водное Партнёрство» (Global Water Partnership, GWP), созданной в 1996 г. по инициативе Всемирного Банка, который, в действительности, сам является инструментом транснациональных корпораций. Анализ показывает, что *главным отличием «руководства» водой (governance) от «управления» водой (management) является то, что в новом понятии ключевая роль в водопользовании принадлежит частнику, а в условиях глобализации – транснациональным корпорациям, в то время как роль государства снижается.* Такое изменение ролей выгодно западным корпорациям, которые уже сейчас контролируют 85% мирового рынка экологических товаров и услуг (это, в основном, услуги в водном комплексе) [9]. *Широкое внедрение понятия «руководство водой» закрепляет ключевую роль частника, включая ТНК.*

Однако в мире растёт противодействие такому подходу, затрудняющему людям, особенно бедным, доступ к воде и связанным с ней санитарным услугам, а также ограничивающему право стран осуществлять суверенную водохозяйственную политику. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные конфликты в этой области в разных странах, а также провал переговоров в рамках ВТО («Раунд Доха»). Об этом более подробно изложено в Разделе 2.

б) Многолетние жёсткие дискуссии в рамках ВТО («Раунд Доха») в сфере экологических товаров и услуг и окончательный провал этих переговоров в 2008 г. показали, что *подавляющее большинство стран не намерено поступаться суверенитетом на свои водные ресурсы. Единственным исключением, возможно, станет Россия, руководство которой, «продавив» под диктовку Евросоюза принятие одиозного Водного кодекса РФ (2006 г.), фактически согласилось, в частности, с требованиями ВТО, направленными на уменьшение суверенных прав государства на свои водные ресурсы* (см. выше).

в) Несостоятельны аргументы о неэффективности бассейнового подхода, который был «выстрадан» человечеством. Сейчас практически в любой стране, обладающей соответствующими водными ресурсами, законодательно подтверждён бассейновый подход к их использованию. Показательно, например, отношение стран Евросоюза, США и СССР к этой проблеме. Тенденция к внедрению комплексного бассейнового подхода в управление водными ресурсами в странах Европы и США находит практическое воплощение в разработке региональных и бассейновых планов развития водного хозяйства. В частности, Рамочная Водная Директива ЕС требует разработки Планов Управления Речными Бассейнами, как для каждой части водосбора в отдельных странах ЕС, так и в пределах международных речных бассейнов. Осуществляется бассейновое планирование количества и качества воды, а также землепользования. Составной частью планирования является экономический анализ водопользования с целью выявления ценности воды для различных водопользователей. Теоретической основой этих работ является разрабатываемый

в Европе концепции и механизмы Водохозяйственных Систем (ВХС), посредством которых обеспечивается комплексное решение долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных задач по оптимизации управления водными, земельными и связанными с ними природными ресурсами, и по охране окружающей среды в речном бассейне. В этой связи уместно отметить, что теоретические и практические проработки по этим вопросам активно проводились в СССР в 70-е и 80-е годы. В частности, можно отметить разработку «Методических основ составления Генеральной Схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов СССР на период до 2000 г.», «Основных направлений технической политики СССР в области комплексного использования и охраны водных ресурсов», перспективных водохозяйственных балансов речных бассейнов СССР, бассейновых схем комплексного использования водных ресурсов. Результаты этих и других проработок были представлены на Конференции ООН по водным ресурсам (Аргентина, г. Мар-дель-Плата, 14-25 марта 1977 г.) Аналогичные работы на международном уровне проводились в рамках Международного института прикладного системного анализа (IIASA). В настоящее время эти работы, кроме стран ЕС, продолжают также в России и США. В России можно отметить многолетние исследования по этому вопросу, проводимые под руководством проф. Пряжинской В.Г. (Институт водных проблем РАН), а также в рамках ФЦП «Возрождение Волги». К сожалению, *правительство РФ в 2005 г. распорядилось прекратить выполнение этой Программы, что «поставило крест» на системном подходе к развитию жизненно важного для страны Волго-Каспийского региона (в его состав входят 38 субъектов РФ, формирующих основной потенциал страны)* [107].

Большой интерес представляет опыт США в этой области, в частности, опыт применения системного подхода к управлению водными, земельными и связанными с ними ресурсами в рамках «Программы бассейна залива Чезапик», и деятельности Комиссии по бассейну реки Делавэр, и т.д.

3.4. Торговля водоёмкой продукцией – не альтернатива перераспределению стока

а) Теоретическая необоснованность торговли водоёмкой продукцией как альтернативы бассейнового перераспределения речного стока

Государственным интересам России противоречит продвигаемая в некоторых зарубежных и российских публикациях идея торговли водоёмкой продукцией как альтернативы бассейновому и межбассейновому перераспределению водных ресурсов с целью решения проблем нехватки воды [71]. Вот выдержка из российской статьи: *«Экономическое процветание развитых стран в значительной степени обусловлено умелым использованием эффекта масштаба, когда отдача каждой следующей единицы затрат увеличивается с ростом объёмов производства. Причины, формирующие возможность эффекта масштаба, действуют в обрабатывающей промышленности, особенно в массовом производстве и высокотехнологичных отраслях. В водопользовании, эксплуатации минеральных и биологических ресурсов, землепользовании подобные причины перекрываются иными факторами – действует закон убывающей эффективности. Затраты на транспортировку воды в масштабах её промышленного, хозяйственно-питьевого и сельскохозяйственного применения (в км³) претерпевают резкий скачок при пересечении границ бассейна».*

В этой цитате содержится недопустимое смешение и подмена близких, но разных по природе понятий. Посредством такой подмены автор как бы подводит к выводу о недопустимости «резкого скачка затрат при пересечении границ бассейна», иными словами, о неэффективности и бесперспективности внутрибассейнового и межбассейнового перераспределения водных ресурсов. Полагаем, что указанное теоретическое искажение по важному для России вопросу неприемлемо. В мировой экономической науке и практике в таких случаях оперируют двумя понятиями: 1. «Эффект (экономика) масштаба» (economy of scale); 2. «Эффект (экономия) от совмещения» (economy of scope), кото-

рый характеризует снижение затрат (и другие выгоды) вследствие особенностей капитального актива (в данном случае – воды, переброшенной из одного района в другой). Первый термин совершенно справедливо используется применительно к обрабатывающей промышленности. Однако применительно к внутрибассейновой и межбассейновой транспортировке водных ресурсов следует использовать второй термин. Нельзя, как это делает автор статьи, умалчивать об особенностях транспортировки стока, характеризовать её только одним фактором – действием «закона убывающей эффективности». В результате перераспределения стока решается множество важнейших для страны задач: геополитических, межгосударственных, социально-экономических, обеспечения безопасности страны, и т.д. Решение этих задач, по нашему мнению, с лихвой покрывает затраты на создание инфраструктуры по перераспределению речного стока, о чём свидетельствует зарубежный опыт, в частности, США, Китая, Индии, Канады, Австралии.

б) Масштабы задач, решаемых Китаем в рамках проекта перераспределения стока «Юг–Север»

Заслуживает самого пристального внимания опыт водохозяйственного строительства в *Китае*. Мощный экономический потенциал, единая, хорошо продуманная, впитавшая в себя многовековой опыт государственная система управления водными ресурсами позволила Китаю в 2002 году приступить к реализации одного из самых крупных в истории человечества водохозяйственных проектов. Этот проект – переброска части стока из хорошо обеспеченного водными ресурсами юга (бассейн реки Янцзы) на север страны, где острый недостаток в воде стал тормозом для развития этого региона. Реализация этого гигантского проекта стоимостью 62 млрд. долларов [108] позволит к 2050 году обеспечить ежегодную переброску в различные регионы севера страны около 45 куб. км воды, тем самым, обеспечить нормальную жизнедеятельность 300 млн. жителей и активный рост экономики. После завершения строительства основные водные артерии страны (реки Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ и Хэйхэ) будут представлять единую многоцелевую водохозяйственную

систему. Это будет достигнуто посредством переброски стока по трем маршрутам, простирающимся с юга на север, и берущим начало на востоке, центре и западе страны.

Восточный маршрут предусматривает строительство головных водозаборных сооружений в низовьях р. Янцзы в районе г. Янчжоу, с последующей переброской до 15 км^3 воды в испытывающие острую нехватку воды северные провинции. Там находятся крупнейшие города страны - столица Пекин и г. Тяньцзинь. Для переброски стока в различной степени будет использована инфраструктура существующего в течение веков многоцелевого Великого Канала. Переброска осуществляется на расстояние 1155 км с подъемом воды в горной местности на 65 м каскадной системой из 75 насосных станций. Предусматривается также строительство системы туннелей. Уже начата проходка 8-километрового туннеля под рекой Хуанхэ (Желтая). Строительство, начатое в 2002 г., позволило в 2008 г. (к открытию Всемирной Олимпиады в Пекине) обеспечить дополнительные ежегодные поставки в этот район около $4,5 \text{ км}^3$ воды.

Центральный маршрут – переброска стока будет осуществляться из водохранилища Данцзякоу на реке Хан (с подпиткой из недавно построенного водохранилища самого крупного в мире гидроузла «Три ущелья» в среднем течении реки Янцзы), в направлении северных провинций Хенань и Хебей (конечный пункт – район г.г. Пекин и Тяньцзинь). Вода будет транспортироваться самотеком системой каналов и туннелей на расстояние 1 267 км, с доведением к 2030 г. объема перебросок до 13–14 $\text{км}^3/\text{год}$.

Западный маршрут – переброски стока в высокогорные засушливые районы верховий реки Хуанхэ, Плато Тибет и Внутренней Монголии будут осуществляться через водозабор из планируемых на притоках р. Янцзы водохранилищ через систему туннелей и трубопроводов. Предположительно, работы начнутся в 2010 году и будут осуществлены в три этапа. После завершения строительства к 2050 году мощность переброски может достигнуть 17 км^3 воды в год.

Структура управления реализацией проекта переброски включает Руководящий Комитет, возглавляемый Госсоветом КНР, провинциальные и муниципальные руководящие комитеты, государственные компании для выполнения строительных и эксплуатационных работ по Восточному и Центральному направлению, а также государственные компании местного уровня для осуществления поставок воды потребителям. Реализация практических работ по проекту осуществляется специально созданной Государственной Компанией по переброскам стока Юг-Север. Расходы на реализацию проекта распределены: 20% – капиталовложения правительства Китая, 35% – платежи провинций, которые будут пользоваться водой, и 45% – средства займов у различных банков, в том числе иностранных [109].

Система платежей водопользователей и водопотребителей предполагает, что компании восточного и центрального направлений переброски стока будут осуществлять сборы за предоставляемую воду с соответствующих провинциальных компаний, а те, в свою очередь, с водопотребителей. Эти платежи частично будут использоваться для погашения вышеуказанных займов, взятых у банков.

Естественно, реализация проекта переброски стока может оказать значительное воздействие на окружающую среду, прежде всего, привести к ухудшению качества воды и состояния экосистем в низовьях рек Янцзы и в районах всех трех направлений перебросок стока. Ключевое значение имеет сохранение и улучшение качества воды в бассейне р. Янцзы как источника водных ресурсов для всего проекта перебросок. Ситуация с качеством воды в бассейне может значительно усугубиться в связи с недавним завершением строительства гидроузла «Три Ущелья». Созданное гигантское водохранилище изменит гидрологический, гидрохимический и гидробиологический режим в среднем течении и низовьях р. Янцзы, что может ухудшить качество перебрасываемых на север вод. Поэтому, как неотъемлемая часть работ по переброскам стока, предусмотрена реализация масштабных мер по сохранению и улучшению качества вод в реке Янцзы и в районах перебросок. Правительство Китая предпола-

гает вложить в течение 2005–2010 гг. 4,8 млрд. долларов в строительство 150 новых крупных очистных сооружений и 170 современных пунктов удаления отходов в среднем и в верхнем течении р. Янцзы [110]. Многие из этих проектов реализуются с привлечением инвестиций из-за рубежа. Одним из таких проектов является создание системы очистных сооружений и удаления отходов в районе г. Чунцин. Этот 32-миллионный урбанизированный район расположен выше по течению Янцзы от водохранилища гидроузла «Три ущелья». Стоимость проекта составляет около 500 млн. долларов [110].

Следует подчеркнуть, что немногие страны располагают распорядительными органами, потенциалом управления, политической волей руководства, чтобы успешно выполнить такой грандиозный проект, как «Юг–Север». Особенно, если эти условия помножены на высокий созидательный дух китайского народа. Корреспондент Франс Пресс в ноябре 2007 г., наблюдая за работами на строительстве канала в районе реки Хуанхэ (Желтая), отмечает, как «светятся от восхищения и гордости» глаза у китайских строителей, понимающих важность и грандиозность выполняемой ими работы [111].

В своей водохозяйственной политике, в том числе, при реализации проекта переброски стока «Юг–Север», руководство Китая вовсе не полагается на многочисленные (в основном, зарубежные), рекомендации развивать внешнюю и внутреннюю торговлю водоёмкой продукцией, в том числе, с целью обеспечения продовольственной безопасности. Такая позиция китайского руководства диктуется двумя ключевыми факторами.

Во-первых, в основу государственной политики заложен принцип самообеспечения страны продовольствием, предполагающий, прежде всего, полное обеспечение зерном, отказ от его импорта. В последние годы Китай уже близок к достижению этой цели.

Во-вторых, реализация беспрецедентного по масштабам, финансированию и воздействию на социально-экономические условия проекта переброски стока «Юг–Север» позволит: А)

решить проблему водообеспечения засушливых, испытывающих нехватку воды северных районов Китая, где находится основной экономический потенциал страны; Б) обеспечить водой беспокойные вододефицитные районы северо-запада страны, где сильны сепаратистские настроения.

в) Стратегическое значение нереализованного проекта переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию (аргументы сторонников проекта)

Рассматривая положение в РФ через призму мирового опыта и практики освоения национального водохозяйственного потенциала, приходится с сожалением признать, что Россия отброшена на мировую обочину развития этого потенциала. Такой вывод неизбежен при сравнении, в частности, упомянутых цифр мизерного финансирования водного хозяйства в России и объёмов капиталовложений в водный сектор экономически развитых и развивающихся стран, таких как США, страны ЕС, Китай и другие. Как уже отмечалось, является декларативной заявленная в Стратегии цель: «формирование реальных предпосылок к реализации конкурентных преимуществ российского водоресурсного потенциала», поскольку отсутствуют реальные возможности для такого развития – политические, экономические, организационные - особенно чётко это проявляется на фоне активной политики других стран в указанной области.

Конкурентоспособность в области водных ресурсов в реалиях Водной стратегии РФ означает реализацию подхода к водным ресурсам как к товару, которым богата Россия и который, так же, как и другие виды ресурсов, будет выставляться на мировом рынке. Недопустимо строить политику на таком представлении. Напротив: ***вода – это не достояние, выставляемое на продажу, а доставшееся нам «от бога» уникальное наследие, пользовавшись которым, мы должны передать его будущим поколениям. Здесь уместно полностью поддержать изложенную выше позицию Евросоюза в отношении воды, отра-***

жающую трепетное отношение к воде как всеобщему благу, несовместимым с частным присвоением и управлением.

В водохозяйственном строительстве, как следует из Водной стратегии РФ, за 10 лет не предполагается реализация ни одного крупного инфраструктурного проекта. Как уже отмечалось, показателем деградация водного хозяйства России является положение в ирригационном секторе. Согласно Водной стратегии РФ, к 2020 году предполагается довести поливные площади до 6 млн. га, т.е. выйти только на уровень 1990 года. *Заложенное в этом водохозяйственном документе стратегически опасное бездействие России в области водного хозяйства, может иметь для неё негативные геополитические последствия, вплоть до распада того, что осталось от исторической России после разрушения СССР.*

Не случайно выше акцентирован тот факт, как светились гордостью и восхищением глаза китайских строителей ГТС проекта «Юг–Север». Так же «светились глаза» у строителей Братской ГЭС, строек Саянского ТПК, БАМа и других великих и малых строек советской эпохи. К сожалению, *пассионарные качества нашего народа (способность перенапрягать силы во имя великой цели), которые сейчас демонстрируют китайцы, не востребованы в новой России**.

Не только в Водной стратегии РФ, но и в Концепции социально-экономического развития страны до 2020 года (Концепция 2020), на которую ориентируется Стратегия, *отсутствуют задачи социального сплочения российского общества*, что так убедительно демонстрирует водохозяйственное строительство в других странах. На этот провал в российских стратегических документах обращают внимание компетентные учёные [113].

Показательным примером отсутствия единства и даже раскола в российском обществе является отношение к вопросу переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию. Под-

* *Примечание:* Такое различие между китайцами и современными россиянами подметили и иностранцы. С этим фактически согласился даже президент РФ Д.А. Медведев [112].

тверждением тому является изложенная ниже позиция сторонников и противников этого проекта, которая, вероятно, характерна для всего научного сообщества России.

Согласно представлениям сторонников переброски, полный отказ в 1986 г. от реализации проекта по переброске части стока сибирских рек в бассейн Аральского моря был ошибкой. Его реализация не только укрепила бы вековые связи народов СССР, но и противодействовала разрушению нашей страны.

Давайте прислушаемся, призывают сторонники, к мнению профессора С.П. Капицы – мудрого русского учёного, славный род которого немало послужил России. Вот что сказал он на Международной конференции «Инженерное искусство в развитии цивилизации» (Москва, 6–8 декабря 2003 г.): «Проект сибирской переброски стока в Среднюю Азию был зарублен эмоциями народившегося зеленого движения во главе с Залыгиным и иже с ними, но подобные проекты нужны – когда строился канал Волга–Москва никто не думал, что Москва вместо 2 млн. человек будет иметь 11 миллионов. Но что бы было с нами сейчас, если бы этого канала не было... Средняя Азия наш сосед и нам не безразлично, что там происходит, и будет происходить. Там идет интенсивный прирост населения, кстати, за счет нашего бывшего советского здравоохранения, с другой стороны – идет миграция беднейшего сельского населения в города, что, в конечном счете, может взорвать этот регион. Совершенно недопустимо, если на нашей южной границе появится бушующее пространство».

Действительно, сейчас становится очевидным исключительно важное геополитическое значение для России проекта переброски стока в Среднюю Азию. В новых странах этого региона (без Казахстана) проживает 40 млн. человек, к 2025 году население возрастёт до 60 млн. человек, а к 2050 году – до 100 млн. человек. Об этом информирует портал CAWATERinfo (водные ресурсы Средней Азии) и помещённая в нём статья В.А. Духовного: «Новые аспекты старых проектов (возвращаясь к вопросу о переброске стока сибирских рек), 2004».

Россия не имеет права равнодушно взирать на указанные процессы, приобретающие катастрофический характер на фоне неуклонно усугубляющихся проблем водообеспечения в этом регионе. Эти процессы могут взорвать не только регион, но также нанести нашей стране непоправимый геополитический ущерб. Одним из ключевых средств сохранения жизнеспособности нашего государства могла бы стать реализация вышеуказанного проекта переброски стока. Руководство и народы стран Средней Азии хорошо понимают проблему, историческую и практическую выгоду от переплетения судьбы своих народов с Россией. Необходима прозорливая, умная политика Российского Государства, достойная нашей истории, чтобы указанное важное обстоятельство было использовано на благо всех. Эта политика обязана учитывать нетленный афоризм: «Восток – дело тонкое». Те, кто жил и работал в Средней Азии, хорошо знают два факта. 1) Общеизвестную исторически важную роль русских в преодолении отсталости в регионе. 2) Москва в 1991 году неожиданно предала своих граждан в регионе.

С этих двух позиций восстановление акцента на важный для Средней Азии проект будет переворотом в сознании народов этого региона, фактом, конкретно доказывающим желание России восстановить свою позитивную роль в регионе. Проект переброски – это отнюдь не «точечная» или «ковровая» борьба Запада с терроризмом, в результате которой уничтожаются целые страны и гибнут массы мирных людей. Этот проект стал бы продолжением евразийского подвига русского народа, который, по словам Н.М. Карамзина, *«смелостью и мужеством снискал господство над девятою частью мира, открыл страны, никому дотоле не известные, внеся их в общую систему географии, истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейства, употреблённые другими ревнителями христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего»*.

На этом пути предстоит также преодолеть огромное сопротивление процессам укрепления связей России со странами Средней Азии.

Примером такого противодействия может служить заложенная в «Водной стратегии РФ до 2020 года» идея торговли водоёмкой продукцией, как альтернативы территориальному перераспределению водных ресурсов. Игнорируется опыт успешных стран, которые, как выше показано, при принятии решений о перераспределении водных ресурсов руководствуются далеко не только гидрологическими аргументами. Более того, в Стратегии не только отсутствует перспектива развития водных ресурсов и каких-либо крупных водохозяйственных проектов, но весь водохозяйственный комплекс страны фактически переориентируется на обслуживание экспорта сырья из России, включая торговлю реальной водой.

Следует объективно относиться к упомянутым С.П. Капицей сторонникам «зелёного движения», многие из которых, искренне озабоченные возможными негативными экологическими последствиями, на их взгляд, необоснованностью и бесполезностью в то время переброски части стока сибирских рек, выступали против этого проекта. Их позиция, к сожалению, совпала с позицией недоброжелателей России, на фоне убогого государственного мышления оказавшегося предателем Горбачёва, и стала причиной того, что в 1986 году были прекращены даже научно-исследовательские проработки этого проекта. *Тем самым, был нарушен естественный процесс поступательного развития водного хозяйства страны, без которого не может выжить ни одна самостоятельная держава, тем более, такая уникальная страна, как Россия.* Опыт США, Китая, Австралии, Индии, Канады подтверждает сказанное.

Что касается осуществимости проекта переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию, к настоящему времени существенно изменились факторы, определяющие позицию по этому вопросу.

Во-первых, одним из главных возражений экологов было то, что отбор 7% стока реки Обь окажет негативное воздействие на климатическую систему Арктики. Результаты исследований российских, американских и европейских гидрологов и климатологов

гов свидетельствуют об увеличении водности сибирских рек, впадающих в Северный Ледовитый океан [114].

Во-вторых, Казахстан и новые государства Средней Азии, прежде всего, Туркменистан и особенно Узбекистан, крайне заинтересованы в реализации проекта и, вероятно, смогут внести экономический вклад в его реализацию. В этой ситуации недопустимо провокационное вбрасывание высокими должностными лицами непроверенных данных о стоимости проекта переброски стока (500 млрд. долл.), как это сделал Председатель Экспертного совета по разработке Водной стратегии РФ В.И. Данилов-Данильян в интервью радиостанции «Эхо Москвы» 26 августа 2010 г. Тем более, что год назад журналу «Государственное управление ресурсами», №3, 2009 г. он называл цифру 300 млрд. долларов [115]. А ещё полугодом ранее, в июне 2008 г., в своём выступлении на XII Петербургском Международном экономическом форуме В.И. Данилов-Данильян утверждал, что стоимость проекта составит «почти 200 млрд. долларов», а в 1983 году, по его словам, проект «оценивался в 17 млрд. долларов».

Для справки: в 1991 году стоимость проекта оценивалась в 18 млрд. рублей, против которой активно выступал академик А.Л. Яншин, считая эту стоимость завышенной [116]. Недопустимо такое безответственное жонглирование цифрами, которые могут повлиять на принятие тех или иных политических решений. Можно только предположить, что на сегодняшний день действительная стоимость проекта не должна превышать 62 млрд. долларов, т.е. стоимости китайского проекта «Юг–Север», масштабы, сложность и технологическая новизна которого беспрецедентны.

В-третьих, активная реализация китайского проекта переброски стока сопровождается внедрением современных технологий создания водохозяйственной инфраструктуры, включая строительство сложнейших объектов водозаборов, насосных станций, туннелей, трубопроводов и водовыпусков. Тщательное изучение этого опыта создаст основу для нового (с учётом научно-технического прогресса) взгляда на вопрос переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию, в том числе, предоста-

вить обоснованную информацию о затратах и экологических последствиях реализации проекта.

2) Аргументы противников переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию

Ключевыми аргументами тех, кто выступает против переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию, являются следующие:

В советское время было построено немало водоводов для территориального перераспределения речного стока и подачи воды в безводные или маловодные районы. Вот только лишь некоторые из них: канал имени Москвы с забором воды из Волги для Москвы и области; Большой Саратовский канал с подачей воды в Заволжье; Кулундинский канал в Сибири; Северо-Крымский канал (Украина); канал Иртыш-Караганда и Большой Алма-атинский канал (Казахстан); Большой Ферганский, Большой Андижанский канал, Южно-Голодностепский, Каршинский канал и др. (Узбекистан); Самур-Дивичинский (Самур-Апшеронский) канал (Азербайджан); Кара-Кумский канал в Туркмении длиной около 2000 км с подачей воды из Амударьи для обводнения старых оазисов (Мургабского, Тедженского), а также освоения земель в пустыне вплоть до Каспийского моря. В Грузии построен Верхне-Самгорский канал с подачей воды из реки Иори в глубокую впадину возле г. Тбилиси, позволивший заполнить её с созданием Тбилисского «моря» и построить оросительные системы для орошения засушливой Самгорской степи. Все эти и другие реализованные проекты носили комплексный характер. Они были рассчитаны на водоснабжение населения и промышленности, обводнение и орошение земель, улучшение судоходства, рыбного хозяйства, энергетики, рекреации.

К сожалению, в конце советской эпохи накопившим большой опыт водохозяйственного строительства специалистам была буквально подкинута вредоносная идея «поворота» сибирских рек, главным образом, в Узбекистан. Работы по переброске стока в СССР были засекречены. Несмотря на это, общественность страны (учёные, писатели) очень скоро разобрались в необосно-

ванности проекта в техническом, социально-экономическом и экологическом отношении и выступили против его реализации. В 1986 году было принято постановление правительства о прекращении этих работ. К большому сожалению, «повороты рек» вызвали антимилиоративный и антигидротехнический шок в обществе, что вкупе с разрушительной «перестройкой» и «реформами», привело к прекращению всех работ по перераспределению речного стока и последующей гибели многих мелиоративных систем и фактическому прекращению мелиорации земель.

В современной России остро стоят проблемы повышения водообеспеченности засушливых регионов, особенно Ставрополья, Заволжья, Калмыкии, Челябинской, Курганской, Оренбургской областей. Вместо решения этих задач вновь вброшен вредительский проект «поворота» сибирских рек, который один из авторов настоящей работы проф. М.Я. Лемешев в 2003 г. справедливо назвал «реанимацией преступного проекта века». Другой автор – академик РАСХН Б.С. Маслов в брошюре «Там, за поворотом...» (2003 г.) назвал проект «панамой XXI века», имея в виду работы в последней четверти XIX века по строительству Панамского канала французской компанией аферистов и мошенников, что дало миру негативное понятие «панамы».

Помимо огромных затрат - не менее 40–60 млрд. долларов (эти цифры называл Министр мелиорации и водного хозяйства СССР Е.Е. Алексеевский и проф. Ф. Миклин из Мичиганского университета США, активно поддерживавший переброски), «поворот» рек вызовет огромный, никем не подсчитанный урон природе и жизни людей в районах отбора, транспортировки и распределения воды. Зона канала, которая будет значительно шире зоны Панамского канала, рассечёт Россию на две части. Существование этой зоны может иметь для России непредсказуемые негативные последствия.

Реаниматоры проекта (Ю.М. Лужков, П.А. Полад-заде и др.) не обращают внимания на то, что вода в Средней Азии никому не нужна, там даже при сохранении существующей ситуации местных вод достаточно на многие десятилетия и даже столетия.

Поэтому правительства стран Средней Азии не поднимают этот вопрос! Туркменистан обеспечен водой из Амударьи и Кара-Кумского канала, развивает водные ресурсы путём строительства водохранилищ на малых реках (недавно закончил совместно с Ираном строительство одного из них для совместного использования).

Воды много, но она используется «на глаз» из-за архаичных оросительных систем, с её распределением без создания водомерных сооружений. По данным Всемирного банка (см. доклад «Управление водными ресурсами и окружающей средой в бассейне Аральского моря», Ташкент, 2002 г.), из объёмов воды, подаваемой на орошение и рассоление почв, 73% воды теряется. А с учётом потерь на полях эта цифра достигает 80%. Другими словами, коэффициент полезного использования воды в орошении (а это – основная статья водопотребления!) – менее 20%. За счёт реконструкции оросительных систем, повышения культуры использования воды рек Аму-Дарья, Сыр-Дарья, Или, Нарын и многих других, дефицита воды здесь не ожидается. Это все понимают, а раздающиеся голоса в поддержку «поворота» сибирских рек исходят только от иждивенцев, жаждущих получить бесплатную воду из России. Поддерживают их недруги России. Сибирский канал длиной 2130 км, шириной 200 м и глубиной 16 м должен идти против уклона местности с подачей воды насосными станциями на высоту не менее 120 м, с использованием многих миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Вода станет воистину «золотой».

Даже в авторском коллективе книги «Вода или нефть» (ред. проф. Д.В. Козлов), опубликованной в 2009 г., отсутствует единомыслие по вопросу о повороте рек. И это не случайно, так как научное обоснование проблемы не выполнено, нет ответа ни на один кардинальный вопрос о необходимости и целесообразности перебросок.

Уже четыре десятилетия «поворот» рек является путями для водного хозяйства России. Мэр Москвы Ю.М. Лужков в книге «Вода и мир» (2008 г.) философствует: «Вода ресурс не менее значимый, чем нефть. И не надо быть Нострадамусом, чтобы

предсказать: не научимся её продавать – придётся отдавать даром». Такое запугивание россиян не ново. Разве не даром для российского народа опустошаются кладовые нефти страны, когда доходы от её экспорта фактически идут в карманы олигархов? Стал ли хоть на йоту лучше жить народ российский от проклятого ресурса – нефти? ***Водное проклятие постигнет и при продаже реальной и условной воды в соответствии с концепциями сторонников такого бизнеса!***

Нынешние российские глобалисты думают только о наживе, продаже всего и вся в своих корыстных интересах. Не пора ли государству заняться экономикой страны, её интенсивным развитием, как это осуществлялось во времена критикуемого ныне И.В. Сталина? Не пора ли не на словах, а на деле принимать решительные меры по восстановлению и развитию промышленности, сельского хозяйства, улучшению социальной сферы?

д) В чём едины серьёзные исследователи проблемы переброски стока

Несмотря на вышеуказанные разногласия, серьёзные исследователи едины в том, что только в условиях адекватного водообеспечения хозяйственной и природоохранной деятельности южные районы Урала и Западной Сибири смогут продолжить играть важную роль в комплексном социально-экономическом развитии России. В этой связи вызывает сожаление то, что Концепция 2020, Водная стратегия РФ, а также Транспортная стратегия РФ на период до 2030 г. (утверждена распоряжением правительства РФ № 1734-р 22 ноября 2008 г.), не предусмотрели необходимые меры по развитию водного потенциала этого региона. Должны быть учтены следующие особенности политической, экономической и водохозяйственной обстановки в бассейнах рек Иртыш и Обь.

1. Запланированный вклад Урала и Западной Сибири в обеспечение продовольственной безопасности страны возможен только при увеличении к 2020 г. в 9 раз площадей орошаемых земель в этих районах, что потребует увеличения в 10 раз безвозвратного водопотребления на нужды сельского хозяйства на юге Урала и Западной Сибири. Это следует из Концепции развития комплексных мелиораций и повышения продуктивности мелиорируемых земель (2004 г.); проекта ФЦП «Развитие мелиорации сельскохозяйственных земель России на 2011–2015 гг., и на период до 2020 г.» (2009 г.); Монографии «Водные ресурсы России и их использование», ред. проф. И.А. Шикломанов (2008 г.).

2. Геополитические и экономические интересы России в этих районах требуют использования действительно уникального «конкурентного преимущества» нашей страны – потенциала внутреннего водного транспорта. В этой связи реализация предложений по созданию элементов Транспортно-энергетической водной системы Евразии (Трансуральский водный путь), транспортно-энергетическая реконструкция рек бассейна верхней Оби и создание Иртышско-Обской глубоководной магистрали от Китая до Северного морского пути могли бы внести значительный

вклад в выполнение положений Концепции 2020 по освоению природных ресурсов Урала, Сибири и Дальнего Востока, Энергетической стратегии РФ до 2030 г., соответствующих других программ развития восточных регионов страны [117].

3. Ускоренная реализация Китаем работ по масштабному изъятию вод в верховьях Иртыша (из реки Чёрный Иртыш), а также возможные меры Казахстана по снижению вододефицита в верховьях Иртыша, представляют реальную опасность для водообеспечения населения, экономики и природной среды *рассматриваемых* районов Урала и Сибири. *Активная, инициативная и практически ориентированная позиция Российской стороны по оптимизации на государственном и межгосударственном уровне использования водного потенциала указанных речных бассейнов позволит обеспечить интересы нашей страны, создаст условия для сохранения мира и стабильности в обширном и ключевом для России регионе Евразии.*

Авторы настоящей работы едины также в том, что изменившаяся геополитическая и экономическая ситуация в регионе, с учётом вышеуказанных требований долгосрочного социально-экономического развития и охраны природы в рассматриваемых районах Урала и Западной Сибири, диктует *необходимость проведения научно-исследовательских и проектно-изыскательских работ по регулированию стока в бассейнах Иртыша и Верхней Оби.* Цель таких работ – обеспечение современных и перспективных потребностей этих районов в воде и водных услугах. Кроме того, выполнение указанных работ создаст основу для решения вопроса о целесообразности и путях развития водохозяйственного сотрудничества с Казахстаном, странами Средней Азии и Китаем в новых геополитических условиях в будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В российской водной отрасли сложилась кризисная ситуация, особенностью которой является ускоренная, продиктованная политическими установками и корыстными интересами, лишённая научного обоснования, не опирающаяся на мировой опыт приватизация услуг в этой области.

В экономически развитых странах Европы и Северной Америки такое положение невозможно, вопросы приватизации водного сектора там становятся предметом общенационального обсуждения, в котором участвуют все органы власти, научное сообщество, деловые круги и общественность.

Фактически насильственная приватизация воды, характерная для России, имеет место только в слаборазвитых странах, проблемы которых в секторе водоснабжения и санитарии достигли критического уровня. Решение этих проблем зависит, в основном, от внешней помощи, предоставляемой международными финансовыми организациями при условии приватизации водного сектора. Страны вынуждены соглашаться на это условие из-за отсутствия альтернативы.

Нашей стране никак не следует идти по пути слаборазвитых стран. Она может эффективно решить проблемы в водной отрасли, в том числе, в сфере водоснабжения и водоотведения, опираясь на свой мощный потенциал, государственные механизмы, разумно используя передовой мировой опыт и технологические достижения в этой области.

В этой связи одним из важных шагов в этом направлении стало бы изучение опыта приватизации воды в таких странах, как США, Британия, Франция, Китай, Индия, некоторых стран Латинской Америки и Африки.

2. Необходима незамедлительная передача под государственный контроль всей электроэнергетики России, с целью использования её в общегосударственных интересах. Здравому смыслу, мировому опыту и социальной справедливости противоречит система собственности и управления, при которой созданная невероятными усилиями всего народа, например, уни-

кальная гидроэнергетическая инфраструктура Сибири используется в узкокорыстных частных интересах, нанося ущерб обществу, экономике и природе. Необходимо незамедлительное реагирование контрольных и правоохранительных органов, направленное на устранение неблагоприятного положения в российской электроэнергетике, в том числе, злоупотреблений в поставках в Китай электроэнергии с территории российского Дальнего Востока.

3. Интересы России требуют продолжения исследования последствий для российского водного комплекса в случае вступления России в ВТО. Необходимо использовать опыт других стран в этой области, в частности, США и СК, где проведены национальные исследования торговли услугами в условиях её активного развития в мире. Учитывая сырьевую направленность экономики и торговли России, а также не имеющее аналогов в истории международных соглашений возможное воздействие ГАТС на политику страны в различных областях, необходимо проведение национального исследования торговли услугами во всей сфере экологических товаров и услуг в условиях возможного членства в ВТО.

4. Необходим полный пересмотр положений Водного кодекса РФ с учётом критического отношения в мире к принципам и механизмам приватизации и либерализации в водной отрасли, стремления стран в условиях глобализации защитить национальные водные ресурсы как общественное благо, несовместимое с либерально-рыночными отношениями.

5. Правомерен вывод о том, что принятая к реализации в Водной стратегии РФ идея активизации обслуживания водным хозяйством сырьевого сектора является ущербной с точки зрения общегосударственных интересов. Реализация этой идеи не станет вкладом в достижение главной стратегической цели Водной стратегии РФ – «гарантированного обеспечения водными ресурсами устойчивого социально-экономического развития РФ», а будет обслуживать узкокорыстные интересы частного бизнеса в недропользовании России.

Аналогично, невозможно достижение указанной стратегической цели Водной стратегии РФ и при навязывании однобокого пути развития в сельском хозяйстве, поскольку целенаправленное развитие только зернового хозяйства для активизации экспорта зерна (на фоне разрушенного агропромышленного комплекса страны и гигантского импорта продовольствия) также служит только узкокорыстным интересам экспортёров российского зерна.

Не соответствует действительности утверждение сторонников активизации торговли водоёмкой продукцией, что такая торговля позволит смягчить вододефицит в мире. Несостоятельность этого утверждения доказана авторитетными исследованиями в системе ООН (в том числе, рассмотренными выше). Рассматривая идею активизации торговли водоёмкой продукцией через призму процессов глобализации, неизбежен вывод о том, что эта идея отвечает только интересам ТНК и продвигается их усилиями.

Что касается нехватки воды – путь решения этой проблемы заключается в комплексном развитии водного хозяйства на принципах устойчивого развития, активизации усилий по повышению эффективности водопользования. Торговля водоёмкой продукцией не играет значимой роли в решении этой проблемы.

Торговля водоёмкой продукцией не является альтернативой бассейновому и межбассейновому перераспределению речного стока. Глубинные интересы России требуют возобновления исследований по проекту переброски части стока сибирских рек в южные районы Урала и Западной Сибири. Реализация этого проекта внесёт значительный вклад в возрождение российского водохозяйственного, сельскохозяйственного и промышленного потенциала, восстановление позитивных позиций нашей страны в регионе Евразии.

Идея активизации торговли водоёмкой продукцией, которая предлагается в качестве теоретической основы для «руководства водными ресурсами», по нашему мнению, может всерьёз рассматриваться при выполнении двух ключевых условий:

а) Методология, национальные и глобальные оценки торговли водоёмкой продукцией только тогда станут точными, и будут представлять реальный научный и практический интерес, когда человек научится управлять глобальным гидрологическим циклом. Не случайно научно-исследовательские центры ООН, сделавшие оценки «экономии» условной воды на национальном и глобальном уровне, подчёркивает абсолютное несовершенство методологии оценки торговли водоёмкой продукцией.

б) Преобладание гидрологической составляющей при принятии решений на национальном уровне о торговле водоёмкой продукцией (прежде всего, продовольствием), станет возможным только при наличии одинаковых общегосударственных интересов у подавляющего числа государств на Земле. Провал попыток построить «однополярный мир» на хищнических принципах «общества потребления» подтверждает бесперспективность достижения указанной цели.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Книга: «Проект: «Реформирование водного законодательства в РФ», ред. В.Е. Зиберов, 2005.
2. PSIRU report: “Privatization and restructuring of water supply in Russia and Ukraine”, 2005.
3. Prasad N., “Privatization Results: Private Sector Participation in Water Services After 15 Years”, UNRISD, 2006.
4. Privatization of Water Services in the United States: An Assessment of Issues and Experience, 2002.
5. NAO report: “OFWAT – meeting the demand for water”, 2007.
6. Briefing Note 2, Water UK, 2007.
7. “Setting price limits for 2005 – 10: framework and approach”, National Consumer Council report, 2003.
8. The Environmental Benchmark & Strategist, The State of the Water Industry, 2007.
9. Доклад ЮНКТАД: «Энергоуслуги и Экологические Услуги: цели переговоров и приоритеты в области развития», 2003.
10. NEDO (1987) Selling British Water Industry Expertise Overseas.
11. “Phoenix Strategy Investments LLC”, “Private Investments in Water Industry – a Global View”, 2003.
12. Журнал «Секрет фирмы» №29 (212), 30.07.2007 г.
13. Water UK, 21.04.2004, Speeches by Water UK Chief Executive.
14. Public Citizen (2004): “Will the World Bank Back Down?”
15. Послание Генсека ООН Пан Ги Муна в связи с Всемирным Днем Водных Ресурсов, 2008.
16. World Bank Water Resources Strategy, 2003.
17. A Baseline Document for the 4-th World Water Forum, Water for Growth and Development, 2005.
18. Bakker K. “An Uncooperative Commodity: Privatizing Water in England and Wales”, 2003.
19. Infrastructure to 2030: Telecom, Land Transport, Water and Electricity, OECD, 2006.

20. CBO Report (2002): “Future Investment in Drinking Water and Wastewater Infrastructure”.
21. International Monetary Fund report “Public-Private Partnership”, March 2004.
22. Газета «Ведомости» от 24.02.2009 г.
23. **Источник:** Независимая консалтинговая фирма CRU Services, 2010.
24. Газета «Ведомости» от 17.02.2004 г.
25. Газета “The New York Times”, статья: «Советская инфраструктура напоминает, что её век подходит к концу», 21 августа 2009 г.
26. Сайт: Богучанская ГЭС – Википедия.
27. European Commission IP/08/850 Brussels, 4 June 2008 State aid: Commission requests Hungary to end long-term power purchase agreements and recover state aid from power generators <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=IP/08/850&format=PDF&aged=0&language=EN&guiLanguage=en>.
28. Письмо О. Дерипаски В.В. Путину №01-01-158 от 05 октября 2009 г. с предложением о приватизации части активов РусГидро, в частности, о включении Русала в состав совладельцев Саяно-Шушенской ГЭС.
29. <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/02/04/224722>.
30. Сайт компании «Базовый элемент», принадлежащей О. Дерипаске, статья «Экологическая ответственность».
31. Журнал “The Wall Street Journal” от 10 октября 2008 г.
32. Захарьин В. «Сообщество по распилу» // «Советская Россия», 3.10. 2009 г.
33. РБК daily, 12 марта 2010 г.
34. Интервью О. Дерипаски журналу «Прямые инвестиции», 22 марта 2004 года.
35. О. Михайлов (2004 г.) «Олигарх отказался от ЖКХ Улан-Удэ».
36. <http://severnystrannik.livejournal.com/1793html>.
37. Газета «Коммерсант», 2 февраля 2009 г.
38. Доклад ООН о развитии человека, 2005.
39. Газета «Зелёный Мир», №30, 1998.

40. EBRD Investments, 1991–2006, Russia.
41. Письмо зам. руководителя Росстроя О.А. Серовой депутату Госдумы РФ А.Н. Грешневикову №ОС – 2853/04 от 01.08.2007.
42. Информация ПРАЙМ-ТАСС от 03 апреля 2008 г.
43. SPG Media Group Report: “Chongqing Wastewater Project, Three Gorges Dam, China”, 2006.
44. Постановление Правительства Москвы №813 – ПП от 20 октября 1998 г. «О погашении кредиторской задолженности».
45. “Partnership instead of privatization”. Журнал “Water Utility Management International”, март 2007.
46. Отчет страховой компании “Multilateral Investment Guarantee Agency (MIGA) “Projects in Water and Wastewater”, 2007.
47. WTE Group Highlights 2006/2007.
48. Храменков С.В., Савченко Т.Н., и др. «Опыт Мосводоканала в реализации инвестиционных проектов». Доклад, 2006.
49. Денежные потоки // «Российская газета», 04 июня 2008 г.
50. Постановление Правительства Москвы №754 – ПП от 9 сентября 2003 г. «О реализации проекта строительства Юго-Западной водопроводной станции».
51. RIS Policy Briefs “Back to the Drawing Board: No Basis for Concluding the Doha Round of Negotiations”, No. 36, April 2008.
52. WTO Doc. TN/S/O/USA, 9 April 2003, US Initial Offer.
53. Office of the US Trade Representative, Washington, “Trade Facts”, March, 2003.
54. WTO Doc. TN/S/O/EEC, 10 June 2003, EU Conditional Initial Offer.
55. Summary of the EC’s Initial Requests to Third Countries in the GATS Negotiations, 2002.
56. Office of the US Trade Representative, Washington, “Trade Facts”, March, 2003.
57. Доклад: “GATS and Water: the Threat of Services Negotiations at the WTO”, 2003.
58. Статья: “Ownership and Performance of Water Utilities”, 2004.

59. Water almost out of GATS? // Доклад Европейского Центра наблюдений за деятельностью корпораций, март 2006.
60. "Liberalization of Trade in Services and Human Rights", Report of the High Commissioner, 25 June, 2002.
61. WWF Report: "GATS, Water and the Environment", 2003.
62. Synthesis of the 4-th World Water Forum, Mexico, 2006.
63. <http://www.gatswatch.org/requests-offers.html>, а также статья: «WTO and Water: The EU's Crusade for Corporate Expansion», 2003.
64. Вестник №19 Гражданского Движения «Земля России – Достояние Народа», май 2007.
65. Заявление по «Стратегическому партнёрству по воде в целях устойчивого развития в рамках ВИЕС для стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии (ВЕКЦА)». Выступление представителя Правительства Дании от имени Евросоюза на 5-й Конференции Министров «Окружающая среда для Европы» . – Киев, 21–23 мая 2003 г.
66. UNDP Capacity Development Indicators, 2003.
67. РИА «Новый Регион»: «Прокуратура Пермского края провела проверку исполнения водного законодательства – количество выявленных нарушений возросло почти вдвое», 1 июля 2008 г.
68. The NATO Grant opportunities and calendar of meetings, 2002.
69. Milieu Ltd. Project: "Preparation of Russian Water Legislation", 2003-2004, На сайте фирмы в Интернете.
70. Выступление зам. Министра Минэкономразвития РФ М.М. Циканова по проекту новой редакции Водного Кодекса РФ, заседание Правительства РФ, 19 февраля 2004 г.
71. Данилов-Данильян В.И. «Вода – стратегический фактор развития экономики России» // Вестник РАН, том 77, №2, 2007.
72. Водные ресурсы России и их использование (ред. проф. И.А. Шикломанов), 2008.
73. Стенограмма парламентских слушаний в Госдуме РФ по Программе «Чистая вода», 14 сентября 2010 г. Выступление П.А. Полад-заде.

74. Доклад Всемирного Совета по Воде по итогам Конференции: «Торговля Виртуальной Водой – Осознанный Выбор», март 2004.
75. Статистический бюллетень: «US Department of Agriculture, Foreign Agricultural Service», 2009.
76. Кружилин И.П. Концепция целевой программы развития мелиорации земель с учётом выполнения требований Доктрины продовольственной безопасности РФ // Бюллетень «Использование и охрана природных ресурсов в России», 2009.
77. Rosegrant M., и др. World Water and Food to 2025: Dealing with scarcity // IFPRI report, 2002.
78. Seckler D., и др. "Water issues for 2025: A research perspective". IWMI's contribution to the 2-d World Water Forum", 2000.
79. Yang H. and Zehnder A., доклад: Порог использования водных ресурсов и его последствия для продовольственной безопасности ("A water resources threshold and its implications for food security"), 2002.
80. Allan J. Виртуальная вода – экономически неощутимое и политически безмолвное средство – путь для решения стратегических водных проблем "Virtual water – economically invisible and politically silent – a way to solve strategic water problems" // International Water and Irrigation, 21 (4), 2001.
81. Shanin T. The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century, Vol. I, Russia as a "Developing Society", 1985.
82. Milward A., Saul S. The Development of Economies of Continental Europe, 1850 – 1914, Cambridge (Mass.), 1977.
83. Акопов П. Россия и Запад // Диалог, №10, 1990.
84. Журнал «США: экономика, политика, идеология», 1988 г., №12.
85. БСЭ, том 24, книга 2, стр. 269.
86. Анфимов А.М. Зерновое хозяйство России в годы Первой мировой войны // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР, АН СССР, 1959.

87. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции, АН СССР, 1991.
88. Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории, 1993, №2, с. 34-36.
89. Лемешев М.Я. На хилых ножках Буша // Советская Россия, 2 апреля 2009 г.
90. Российская газета от 23 июня 2009 г.
91. Федеральная стратегия в области науки и технологий для решения проблем водообеспечения и качества воды в США ("A Strategy for Federal Science and Technology to Support Water Availability and Quality in the United States"), 2007.
92. Грядет ли водный апокалипсис // Журнал «Государственное управление ресурсами» № 4/34, 2008.
93. Письмо О. Дерипаски в адрес В.В. Путина, №403/13 от 20 сентября 2009 г., выставленное на сайте *Slon.ru* в Интернете.
94. Сайт РАО «ЕЭС России», схема «Восточного кольца ЛЭП» (МГЭО «Россия–Китай).
95. Газета «Коммерсантъ», Приложение (Хабаровск) № 232 (4094) от 19 декабря 2008 г.
96. Губенко А.В., Татценко К.В. // Статьи в журнале «Экономика и Управление», № 8 (46), 2009 г., № 9 (47), 2009 г. и №10 (48), 2009.
97. Ответ заместителя Руководителя Федеральной Таможенной Службы РФ Т.Н. Голендеевой №01-13/64646 от 30 декабря 2010г., на запрос депутата Госдумы РФ В.Д. Хахичева.
98. Распоряжение правительства РФ от 28.12. 2009г., № 2094-р.
99. Доклад ЮНИДО: «Вода как сфера ответственности всего общества», 2005.
100. Доклад ЮНИДО: "Industrial Development Report, 2009: Breaking in and Moving Up: New Industrial Challenges for the Bottom Billion and Middle Income Countries" (Как выбраться из трясины отсталости: новые вызовы и задачи в промышленном секторе наиболее отсталого в экономическом отношении миллиарда человечества («миллиарда на дне») и стран со средним доходом), 2009.

101. Доклад Института экономики РАН «О перспективах России на 2008–2016 гг.», 2008.
102. Материалы Круглого стола по оценке проекта Концепции социально-экономического развития до 2020 г., Минэкономразвития России, сентябрь 2008.
103. Материалы Конференции: «Институциональные предпосылки инновационного развития России», октябрь 2008.
104. Казеннов С.Ю. Концепция 2020: в поиске реализуемого сценария. – М.: ИМЭМО РАН.
105. Сайт: www.ifs.ru.
106. Hoekstra A. et al. Water scarcity and international trade: The need to extend the scope of water resources management (Нехватка воды и международная торговля: Необходимость расширения масштаба управления водными ресурсами). Опубликовано Гейдельбергским университетом в 2008 г.
107. Максимов А.А. Геополитическая экспансия Запада в Волго-Каспийском регионе // Обозреватель, № 10, 2005. – №2, 2006.
108. "SPG Media Group Report: "South-to-North Diversion Project", China, 2006.
109. Информация "US Water News Online: "China's massive South-North Water Diversion Project Facing Money Woes", 2004.
110. Доклад: "SPG Media Group Report: "Chongqing Wastewater Project, Three Gorges Dam, China".
111. Репортаж Агентства Франс Пресс: «Китайский многомиллиардный долларовый проект Юг-Север тормозится» "China's multi-billion-dollar South-North project facing delays", 2007.
112. Протокол встречи президента РФ с политологами на Мировом политическом форуме. – Ярославль, 10 сентября 2010 г.
113. Сайт: Аргументы и факты *online*, 16 июля 2008 г.
114. Труды XIV Всемирного метеорологического конгресса, Женева, май 2003 г., лекция проф. И.А. Шикломанова участникам Конгресса.

115. Интервью Председателя Экспертного совета по разработке Водной стратегии РФ В.И. Данилова-Данильяна журналу «Государственное управление ресурсами», №3, 2009.
116. Портал SAWATERinfo, статья В. Бровкина: «Переброска вод в Среднюю Азию».
117. Козлов Л.Н., Беляков А.А. Транспортно-энергетическая водная система (ТВЭС) Евразии и её первоочередные проекты, 2009.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лемешев М.Я.

проф. кафедры государственного регулирования экономики Московского государственного Университета управления, доктор экономических наук, академик РАЕН, Петровской Академии Искусств, Академии Экономических Наук России, Всемирной Экологической Академии, Международной Академии Евразии. Основоположник научной школы эколого-экономического управления общественным развитием, получившей признание в России и за рубежом. Депутат Государственной Думы РФ и Председатель Комитета по экологии Госдумы первого созыва (1993–1995 гг.). Лауреат золотой медали им. М.В. Ломоносова и «Золотой звезды» В.И. Вернадского, Лауреат премии «Имперская культура».

Максимов А.А.

инженер-гидротехник, экономист-международник, заслуженный метеоролог РФ. Участник строительства Красноярской ГЭС, Каракумского канала, Вазузской гидросистемы. В 1976–1981 гг. – сотрудник Секретариата Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Более 20 лет работал в Гидрометслужбе СССР (России), консультант по воде и окружающей среде ЮНЕСКО, ВМО, ГЭФ (Всемирный Банк, ПРООН, ЮНЕП).

Маслов Б.С.

инженер-гидротехник, проф., доктор технических наук, академик РАСХН, Заслуженный деятель науки и техники РФ, ветеран водного хозяйства РФ, академик Международной Славянской Академии Наук, Образования, Искусств и Культуры, Почетный член Академии водохозяйственных наук, лауреат премии Совета Министров СССР и золотой медали им. А.Н. Костякова. Более 10 лет руководил Главным управлением науки Минводхоза СССР, был директором ВНИИ гидротехники и мелиорации.

Автор 1200 печатных работ, в том числе, 70 книг по вопросам водного хозяйства, мелиорации, гидрологии, агроэкологии и истории. Автор ряда статей и почетный редактор тома Международной «Энциклопедии жизнеподдерживающих систем» (EOLSS).

Авторами брошюры ранее опубликованы совместные статьи (соавтор И.К. Комаров):

- Приватизация водных услуг: благо или бедствие? // Обозреватель-Обсервер, №9 (с. 45-53) и №10 (с. 32-44), 2008.
- Водохозяйственный комплекс России под контроль ВТО? // Бюлл. «Использование и охрана природных ресурсов в России», №1 (с. 16-23), №2 (с. 37-44), 2009.
- Наследие или объект глобализации? // Природно-ресурсные ведомости, №2 (234), 2009 и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Мировой опыт «вопиёт» о недопустимости приватизации воды	5
1.1. Крах приватизационного процесса в водном секторе за рубежом.....	5
а) Проблемы приватизации в экономически развитых странах.....	5
б) Горькие плоды экспансии транснациональных корпораций (ТНК) в «третьем мире».....	8
в) Всемирный Банк как выразитель интересов ТНК.....	10
1.2. Тупики частного метода управления водой.....	11
1.3. Государственно-частное партнёрство (ГЧП) как наиболее выгодный для частного, но ущербный для государства, метод получения прибыли.....	13
а) Неспособность частного и невыгодность для него вне модели ГЧП решать ключевые водохозяйственные проблемы.....	13
б) Бизнес «империи» Дерипаски – красноречивый пример ГЧП в ущерб государственным интересам.....	15
1.4. Невыгодность для России долгосрочного «партнёрства» с ТНК в водной отрасли (некоторые примеры).....	22
Глава 2. Водный кодекс РФ как навязанный извне инструмент подрыва суверенитета России в водной отрасли	25
2.1. Коренные противоречия Запада и «остального мира» в природоресурсной сфере (провал переговоров в ВТО).....	25
2.2. Двойные стандарты Запада в отношении «своих» и «чужих» водных ресурсов.....	28
2.3. Либерально-рыночный капкан Евросоюза и ВТО для водной отрасли России.....	30
2.4. Ущерб безопасности России от принятия Водного кодекса РФ.....	35
Глава 3. Тупики «Водной стратегии РФ до 2020 года»	39
3.1. Расширение обслуживания сырьевого сектора – ключевой ущербный элемент Водной стратегии РФ до 2020 года.....	39
3.2. Несущественная роль торговли водоёмкой продукцией в решении проблем нехватки воды и продовольствия.....	44
а) Некоторые выводы из мирового опыта торговли водоёмкой продукцией в сельском хозяйстве.....	46

б) Ключевые проблемы водопотребления в сельском хозяйстве, выявленные ФАО	53
в) Некоторые аспекты торговли водоёмкой сельскохозяйственной продукцией в условиях царской России и современной РФ	54
3.3. Неприемлемость Концепции 2020 и Водной стратегии РФ до 2020 г. о торговле водоёмкой продукцией как ключевой задаче водного хозяйства	59
а) Мифы «инновационной направленности» и «мирового лидерства» Концепции 2020 и Водной стратегии РФ до 2020 г.	59
б) Проблемы водного хозяйства России через призму мирового опыта	69
3.4. Торговля водоёмкой продукцией – не альтернатива перераспределению стока	77
а) Теоретическая необоснованность торговли водоёмкой продукцией как альтернативы бассейнового перераспределения речного стока	77
б) Масштабы задач, решаемых Китаем в рамках проекта перераспределения стока «Юг–Север»	79
в) Стратегическое значение нереализованного проекта переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию (аргументы сторонников проекта)	82
г) Аргументы противников переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию	88
д) В чём едины серьёзные исследователи проблемы переброски стока	92
Заключение	94
Список использованных материалов	98
Краткие сведения об авторах	106

Научное издание

Книга издается в авторской редакции

Лемешев Михаил Яковлевич
Максимов Алексей Алексеевич
Маслов Борис Степанович

Мировой опыт пока ничему не учит (О разрухе в водохозяйственном комплексе России)

Компьютерный набор и верстка
А.А. Максимова и А.Б. Кузнецовой

Подписана в печать 19.01. 2011 г. Формат 60×90/16
Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman
Объём 7,0 п.л. Тираж 300 экз. Заказ N 1

Отпечатано в ФГУП «Типография» Россельхозакадемии
115598, Москва, ул. Ягодная, 12
Тел. 8(495) 329-45-00